

Полина Кузаева

ВПЕРЕДИ – ЛЕТО

Рассказы

Оренбург
2020

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.4
К 89

Эта книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

Полина Кузаева. Впереди — лето. Рассказы.— Оренбург: Издательский центр МВГ, 2020.— 76 с.

ISBN 978-5-907297-30-2

12+

© Полина Кузаева, рассказы, 2020 г.
© Издательский центр МВГ, 2020 г.

Рассказы

Эви поднимается

2 февраля 2042

В тот день все ждали Галиона. Он прибыл из рейса и обещался быть ровно в шесть вечера у меня дома.

Первым подтянулся Бондик. Помню, как смотрел в окно и думал, что Бондик ходит, ничего не видя перед собой. Вот он споткнулся и чуть не упал. С копной седоватых волос, похожий на ребёнка, он напоминал мне пекинеса. Этакое доброго марсианина-лакомку, всё понимающего и заранее всё прощающего. Это сравнение развеселило меня, и турку я ставил на огонь, тихонько смеясь. И к тому моменту, как Бондик открыл двери, его ждала на столе щербатая чашка.

— С коньяком?

В голосе я уловил знакомую алчность. Значит, Бондик опять в завязке, и ему нельзя ни жареного, ни спиртного, одним словом, ничего съедобного. А всё потому, что Саре кажется, что он недостаточно хорошо выглядит. Изведёт ведь, как таракана.

Я кивнул, и тот просквозил в кухню. Сидел, сгорбившись над кофе, смакуя каждую каплю.

— Что знаешь о Гальке? Довольный вернулся?

— Мы толком и не говорили. Но мне показалось, что он...— Я замялся, чтобы подобрать слово.— Взбудоражен. Да, именно взбудоражен. Ещё сварить?..

Не дождавшись ответа, я полез в шкаф за последней пачкой кофе.

— Значит, вернулся не с пустыми руками! — Бондик следил за моими движениями чересчур преданно. Вот ведь эпикуреец!

Он помолчал и сказал, словно долго готовился к этому:

— Эви поднимается.

— Что?..

Я не сразу почувствовал, что обжигаю пальцы. От неожиданности было больно вдвойне. Еще бы чуть-чуть, и я бы крикнул «не может быть!», или «врешь!», или ещё что-то. Лишь бы забить словами образовавшуюся в душе брешь, расширяющуюся с каждым глотком воздуха. Но я смолчал. Стукнул

о стол чашкой, так что добрая половина кофе выплеснулась, и до прихода Галиона не сказал больше ни слова.

Бондик долго, как старый всезнающий пес, вылизывал меня взглядом, и от этого было ещё нестерпимее.

Глаза-смородины и чёлка наискосок. В этом сладость и резкость Эви, её мальчишеский нрав и угловатые застенчивые движения. А еще искренность, граничащая со вздорностью, и мягкая, нараспев речь. Кто выдумал это мерзкое, лживое слово «поднимается»?

— Мишенька! Стучат. Давно... Открою?

Бондик вывел меня из оцепенения. Только и смог, что кивнуть ему в ответ. Наверное, Галька пришёл. А может, Эви?.. Я закрыл глаза. Всего на секунду. И вспомнил тот день.

Воздух такой горячий, что кажется плотным. Яблоневые листья, прикрывающие меня от солнца, совершенно неподвижны. Мне двенадцать лет, и я часто снимаю очки, чтобы потерять измученные глаза. На коленях роман Буссенара. Половину я уже проглотил. И теперь то и дело проверяю толщину непрочитанных страниц. При этом не могу удержаться и проскакиваю целые абзацы, считывая текст на лету.

— Ты не можешь, не имеешь права, — доносится из окна.

Родители снова ругаются, и я, стараясь не слушать их, всё же замираю, невольно ловя каждую фразу.

— Я ухожу.

— Не сходи с ума, Анна. У нас ребёнок.

Какое-то мгновение я слышу, как тикают на кухне часы. Старинные, громоздкие, с неуклюжими стрелками. По коленке ползёт муравей. Маленький и очень чёрный на фоне моей бледно-белой кожи.

— Я поднимаюсь. Слышишь? Под-ни-ма-юсь!

Звонкий, непонятный мне тогда звук опередил шум бьющейся посуды.

Судорожно я снова схватился за книгу. На страницах остались мокрые пятна. «Голубого человека» я так и не дочитал с тех пор.

— Миха, а кофе? — передо мной стоял Галька. Тридцатилетний капитан дальнего плавания. Лучший друг. Стоял и улыбался, недоумевая, почему я сорвал наш давний приветственный ритуал.

— Эви поднимается, — только и сказал я. — Эви поднимается.

Галька, всегда такой непоколебимый и сильный, смотрел на меня и молчал. И в его великодушном молчании можно было укрыться — хотя бы на время — даже от самого себя. Укрыться и не заплакать, потому что мужчины не плачут.

Уже потом, когда все — Бондик и Сара, Ив, Марк, Анна — разошлись, мы достали водку. Я не люблю ничего спиртного. Но в тот вечер пил, и пил много.

— Думаешь, Эви уже Там?..

Он пожал плечами. Да и откуда ему было знать.

— Там не так уж и плохо, Мих. И это не самый плохой выбор.

— Ты так говоришь, словно я один ничего не знаю.

— Может, и не знаешь. Не поверишь, но...

— Иногда тебе не хочется возвращаться к нам?

Галион изумленно уставился на меня.

— Кэп, ну что ты моргаешь? Твой вопрос подсказал ответ. Всего лишь...

Внезапно мне стало холодно. И так одиноко, что вопреки всему захотелось вытолкать друга на улицу и долго лежать в темноте.

Он же закружил по комнате. Его твердое скуластое лицо размягчила водка. Ему хотелось, чтобы я его слушал. Мне же казалось, что я заранее знаю все доводы.

— Подожди, — попросил я. — Сядь.

Нехотя плюхнулся в кресло напротив. Уставший после рейса. Раздражённый. Я видел, что он рассказал не все новости, и это тяготит его.

— Эви поднимается.

Я сам опешил, что опять проговорил это вслух. Наверное, в двадцатый раз.

— Вот и прекрасно! Миха, не будь олухом! Все хотят этого! Все, дурак!

В окно видно было подсвеченную снегом ночь. Тихую, скромную, дышащую морозом. Медленно убивающую всё теплое, неукутанное.

— Сам дурак, — сняв очки, я потёр глаза. — Да-да, сам дурак, хоть и капитан дальнего плавания.

Галька безрадостно рассмеялся. Таким тихим и глухим смехом, что стало ещё больше не по себе.

— Миха, я не смогу больше возить припасы. Так или иначе, всем придётся рано или поздно уйти. И в этом случае лучше сделать это сейчас. Ребята знают и готовятся. Я сказал им об этом в прошлый раз. Только вот тебе не решился.

— Почему не будет припасов?

Я спросил это холодно, сам поразившись ложному спокойствию своего голоса.

— Пицца им теперь не нужна.

— Как это? Они теперь питаются воздухом и солнцем? Как растения?

Моей натужной выдержке пришёл конец. Я долго ругался. Говорил, что на нашу жизнь хватит и имеющегося, а Галька сидел, сторбившись, и милосердно смотрел не на меня, а на свои большие и крепкие руки. Очень уж жалко я, наверное, выглядел.

Мать, которой отец закатил тогда оплеуху, ушла одной из первых на нашей улице. И, конечно, из-за меня. Всякий раз, когда она на меня смо-

трела, видела коляску. Её, правда, трудно было не заметить. Блестящую, с наклейкой на подлокотнике. Но мне тогда казалось, что только её мама и видела. Самую дорогую инвалидную коляску, из-за которой второй год родители не ездили в отпуск. Мама, несмотря на наши весьма скромные средства, всегда покупала мне самое дорогое. словно этим могла изменить что-то. Осознав же, что ничего важного в мире не купишь — сожаление в глазах её подруг так и не сменилось восхищением, — ушла. Поднялась. Интересно, в новой жизни у неё появился новый идеально здоровый сын? Какая она сейчас? Ей ведь не меньше пятидесяти. А отец? Он долго держался. В последнее время нам не нужны были даже слова, и мы молчали целыми днями. Мне нравилось, когда он садился за стол в своём любимом шерстяном свитере и читал книгу. Два кота усаживались к нему на колени, а третий прыгал на плечи. После того как почти весь наш район опустел, нас стали одолевать кошки. Уходя, никто из соседей не забрал с собой ни одну из них. Интересно, Эви тоже бросила своих Ингрид, Персика, Незабудку и Мандарина? И как скоро они появятся у моего порога?

— Галион, — сказал я и только сейчас заметил, что он, похоже, давно спит. Стараясь не шуметь, я напялил кое-как на себя куртку и выкатился на улицу. Да, так оно и было — у порога сидел мой любимец Ингмар и, глядя на дымчатую Ингрид, утробно урчал. Остальные кошки, а только у меня их жило восемь, носились где-то по зимним тропам.

Взяв на руки Ингрид, я зарылся носом ей в шерсть и ощутил далекий, еле уловимый запах духов. Вернувшись домой, я ещё долго носил его на кончиках пальцев. Эви. Эви поднимается.

9 февраля

Прошла неделя. Ко мне никто не заглядывал. И едва ли не впервые пришлось рубить дрова самому и топить сложенную отцом печку.

Отварив макароны, я долго жевал их, и не столько ел, сколько раздумывал. Даже если поднимутся все, я останусь. В конце концов, должен же я прочитать те книги, которые мы с отцом тащили к нам со всего опустевшего города. Помню, как петляли по улицам и заходили в каждый заброшенный дом. Отчего-то много смеялись тогда. Одна старая тощая книжка, вернее, то, как я переврал её название, полдня вызывала у меня смех. Так что, наконец, папа не выдержал: «Миша, это серьёзное произведение. Прочитаешь, согласишься».

Он любил называть меня так, бережно выдыхая последний слог. Так протяжно и долго, словно баюкал ребёнка. Почему папа ушёл? В один из дней я проснулся, а его нет. Вместе с ним пропали две кошки. Их он забрал, — редкий случай, — а со мной даже не попрощался.

Слипшиеся макароны — какое убожество! Я с удовольствием отправил их в мусорку. Часа через два вынул обратно. Слишком нерасчётливый поступок, когда в твоём доме господствуют кошки.

Я до того уже никого не ждал, что вздрогнул, когда раздался звон колокольчика. Выглянув в окно, увидел Сару и Бондика. Она — в стареньком ношеном пальто и, совершенно не по погоде, в синей вельветовой шляпе — стояла так тесно прижавшись к мужу, что они походили на одно неразделимое мифическое существо.

Как всегда, встречу начали с кофе. Сара пила шумно, большими глотками, и я в который раз подумал, что она не получает от этого никакого удовольствия. И это в очередной раз удивило меня.

— Миша, — сказала она, и я еле удержался от гримасы. Не люблю, когда меня так называют чужие. — Миша, пойдёте с нами. Мы давно спорили с мужем. Он упорно не поддавался на мои уговоры, — тут Сара метнула на Бондика быстрый взгляд, — но сейчас, когда некуда деваться, согласился. Пойдёте. Что же вы здесь станете делать один?

Моё раздражение внезапно исчезло. Вдруг стало нестерпимо жаль эту женщину. Сара поднимется, и больше я не увижу, как смешно она оттопыривает палец, когда держит в руках чашку. Эти её нелепые локоны и затаённая улыбка старой кокетки, которая и в шестьдесят лет пытается очаровать всякого. Все сотрётся, исчезнет. А если и останется, то лишь в моей памяти.

— Миша, ну что вас держит?.. Вы же станете здоровым! Я, если честно, не понимаю, почему вы не поднялись до сих пор.

— Сара, замолчи, — едва ли не впервые я услышал, как Бондик прикрикнул на жену, — не надо! Мишенька, мы пойдём. Держись, мальчик... За всех нас.

Я смотрел им вслед и, только когда они стали совсем крошечными фигурками, понял, что Сара взяла с собой летний зонт. Розовый, с кожаной рукоятью. Наверное, когда-то она заплатила за него огромные деньги и теперь хотела забрать с собой самое дорогое. От этого стало почему-то ещё больше жаль этих людей, ставших частью меня самого.

Почему Бондик понимал меня? Откуда я знал, что он хочет остаться здесь и смаковать жизнь до последней капельки кофе, чая или воды? Галька сказал, что Там пицца теперь без надобности. Бедный Бондик. Ради Сары... Он поднимается ради Сары. А что есть Сара? Почему он любит её? А почему я люблю Эви?

Мы познакомились, когда город уже почти обезлюдел. Я бездумно колесил по прокалённым зноем улицам, как две морковного цвета косички и два раскосых ночных (как я потом их назвал за глубокую и влажную черноту) глаза перерезали мне горло. Отчего-то я не мог дышать, глядя

на конопатую, с худыми и длинными ногами девчонку с перекинутой через плечо спортивной сумкой, откуда выглядывало любопытного вида растение с лопухими листьями. Я тогда подумал, что она, как и мы с отцом, искательница. Только не книг, а цветов, которые побросали хозяева. И я не ошибся.

У Эви было природное отсутствие такта. Абсолютное. Тогда, покосившись на мою коляску, она первым делом спросила: «Почему ты не поднимаешься? Или ты так ленив, что ни за что не хочешь ходить?»

И пока я смотрел на неё — всё ещё с перерезанным горлом, — рассмеялась. Подумать только, она была уверена, что сказала чертовски остроумную штуку.

— Эви! — улыбнулась она и протянула испачканную в земле ладошку.

— Мишка, — брякнул я и зачем-то спросил: — А ты почему не поднялась до сих пор?

— Мне нравится быть собой. Нравится удивляться. Например, знакомству с такими худыми, как ты, мальчишками, — хихикнула она и позвала в гости.

Я до сих пор чувствую запах того травяного чая, которым поила нас её бабушка.

Бабушка Зоя. Она так и не ушла никуда. Мы похоронили её за большим оврагом. Она верила в Бога и не желала становиться идеальной, как остальные.

И это тоже было необычным. Другие старушки поднялись первыми. Едва только заговорили о новом генетическом прорыве, способном сделать совершенным любого желающего. Все хотели вернуть себе молодость, а тут ещё и денег на это не требовалось. Бабушка же Эви осталась с внучкой, считая, что счастье — это когда дети едят испечённые тобой оладьи. И непременно с малиновым вареньем.

Нам немало их перепало. Горячих, ноздреватых. Ради них мы часами обыскивали в прошлом жилые кварталы, стараясь добыть варенье. Муки и прочего тогда ещё много оставалось в заброшенных магазинах. И сейчас мой склад наполовину заполнен упаковками с крупами, мылом и прочими нужными вещами именно оттуда. Галька из своих рейсов привозит лишь лакомства — кофе, спиртное, шоколад. Всё то, без чего, по определению Бондика, так скучно тратится время. Привозил...

22 февраля

Пропал Ингмар. Его нет уже неделю, и я беспокоюсь. Открывая ночами двери, вижу порой у крыльца полузанесённые следы. Его ли лап?.. Зову и не слышу ответа. Может быть, мы не совпадаем, и он потом мёрзнет у закрытого дома. Любой другой, наверное, посмеялся бы надо мной, но

из-за этого я не могу спать. Да, кошек много, но среди них, как и среди людей, не так уж и много тех, в ком есть человеческое.

Вчера приходил Галион. Принёс кофе. Выглядел виноватым. Я хотел было отказаться, чтобы его уколоть. Но передумал. Всё-таки он мой друг. Гальяк сказал, что заглянет сегодня, и я жду. Перебирая книги, нашел ту — со смешным названием. Вообще-то ничего смешного в нём нет. Это «В ожидании Годо», которое я тогда переделал так: «В ожидании Гада». Читаю и плачу. Стыдиться мне некого. Я один. А Годо не придёт никогда.

28 февраля

Сегодня узнал, что поднялись Ив, Марк и Анна. Об этом мне сказал Гальяк.

Мы сидим и пьем кофе. Крепкий и очень сладкий.

— Мих, ты точно останешься?

Скалюсь в ответ. Не люблю вопросов ради вопросов.

— Гальяк, помнишь, как мы познакомились? Ты стоял у пруда и смотрел на уток. На тебе была смешная красная кепка. Ты думал, что один в парке, и испугался, когда я громко сказал: «Привет, Холден».

— А потом дал мне прочесть Сэлинджера? Конечно помню. Почему ты спрашиваешь? Или?..

Тут он испытующе посмотрел на меня, и в его тёплых шоколадных глазах я увидел вину.

— Давно понял?

— На днях. А ты давно... Поднялся?..

Слова дались мне с трудом. Впившись взглядом в лицо друга, я искал черты изменений и не находил. Что же... он и так был здоровым красавцем.

— Несколько лет назад.

— Получается, ты шпионил за нами?

— Скорее оберегал. Миха, ты же ничего не знаешь об этом.

— Гальяк, зачем?..

— Потому что нельзя быть одному! Ну пойми уже это!

Увидев книжку, оставленную на столе, посмотрел на обложку.

— Тоже ждёшь Годо? Я не читал, но знаю это произведение от первого и до последнего знака. Оно здесь! — тут Галион постучал пальцем по голове.

— Так же, как все рецензии на него. Да что там рецензии! Вообще всё здесь. Все знания, накопленные человечеством.

— Получается, ты поднялся из тщеславия? Захотел всё узнать «просто так»?..

Сказал это очень зло, ведь я любил Гальяку. Одно только «зачем?» и билось в моей голове. Я смотрел на него, не отрываясь, и молчал.

— Миха, ты же даже не представляешь, что значит подняться. Думаешь, что, пройдя генетическую экспертизу, получишь новое идеальное тело

и заживёшь в огромной серебряной башне? Это ведь ты прозвал меня капитаном дальнего плавания, за то что я всякий раз отправлялся в её пределы, как ты думал, на поиски припасов и новостей.

Вот и Сара с Бондиком так думали. И Анна. И даже Ив. И твой отец...

Тут я не вытерпел:

— Что ты знаешь о нём?

Я закричал слишком громко. Так, что, наверное, потерял разум. Потому что внезапно Галион исчез. Передо мной стоял он. Потрёпанный свитер с вьёвшимися в него колючими волосками. Усталый, но такой добрый взгляд.

— Миша...

Крутанувшись, я уже через секунду уткнулся головой в папин живот. Пусть это бред и моя иллюзия. Пусть наваждение. Я так соскучился по тебе, папа!

— Сынок. Прости...

Он гладил меня по спине. Дышащий, тёплый, родной.

И я снова молчал, пережив первые минуты потрясения. О чём я мог спросить его, когда он бросил меня? Только отцу не нужны были вопросы. Он говорил одними ответами:

— Я ушёл в надежде, что ты пойдешь следом. Но вместо тебя за мной по пятам шли только Серый и Джо. Я ждал тебя, а когда добрался до Башни, было уже поздно поворачивать назад.

— Неправда! Никогда не поздно вернуться, если любишь.

— Ты прав, Миша. Вот я и вернулся к твоей матери.

— Она предательница! И ты тоже!

Меня разрывало на части. Отец одновременно был самым родным и самым чужим. И не о чем было теперь говорить с ним.

— Ты нашёл маму?

— Теперь она всегда со мной. Как и те, кто поднялись. Все они рядом и словно дышат мне в затылок. В любой момент меня может сменить любой из них.

Я слушал, затаив дыхание.

— Что происходит, когда телом управляешь не ты?

— Можно прожить заново любой день из прошлого. Такой выбор сделала твоя мама. Она выбрала время, когда...

Тут отец запнулся, и мне пришлось продолжить за него:

— Когда я ещё не родился?

— И да, и нет. Когда ты только появился у неё в животе и она мечтала, как мы втроём будем счастливо жить.

— А ты, отец?

— Я разделил её желание. Когда любишь, то вытерпишь всякое. Даже если и жаждешь другого. Иногда я ускользаю в возможное будущее, и там ты рядом со мной. Как и твоя жена, и все ваши кошки. Я бы хотел многое сказать тебе, сын. Но нет времени.

— Для чего же тогда время, папа? Каждый должен прожить свою жизнь. Прожить сам! Прошлое, будущее — это только слова! Их нет, когда нет тела, способного передать чувства. А значит, нет и любви.

— Любовь постигается духом, Миша.

— Не полностью, папа. Когда к тебе приходят колоть дрова, потому что тебе тяжело, и трудятся в мороз для тебя — это любовь. Мои друзья любили меня больше, чем ты.

Отец съёжился от моих слов. Опустил голову — полуседую, лохматую. Как часто я видел, как он в таком же движении сидел над книгой за этим же столом.

— Что стало с твоим настоящим телом, папа?

— Оно сгорело. Как сгорели все остальные. Серебряная Башня — это крематорий, сынок. И вокруг неё ни души. В ней живёт лишь одно идеальное тело, в котором все мы, сплетённые воедино в одну сеть. Знаешь, это можно было бы сравнить с ноосферой. Или же это она и есть на самом-то деле. Почему ещё я ушёл? Ушёл Галька? Все те, кого ты знал? Мы слышали зов. Нас тянуло к Башне, и мы затаённо знали, что должны сделать так. Каждый сам открывал двери и запускал генетическое сканирование, которое автоматически завершалось уничтожением нашей физической оболочки. И каждый из нас, расставшись с ней, ощущал удивительное спокойствие. Кто знает, сын, может, так Земля решила избавиться от людей и нагнала на всех нас морок? После того, как ты поднимаешься, тебе самому уже ничего не нужно, и в этом есть что-то от счастья, за которое впервые в жизни ничем не нужно платить.

Откатившись к окошку, я влился глазами в серую даль. Был виден бесконечный край парка, в котором мы познакомились с Галькой. В котором однажды я встретил Бондика с Сарой, собиравших дикую малину. В котором мы с Эви первый раз целовались.

— Не плачь, Миша. Когда-нибудь ты поймешь и простишь. И, может быть, мы ещё встретимся. Скоро на Земле останется малая горстка людей, раскиданных по всему свету. Среди них будешь жить ты, мой сын. Одна, непознанная часть меня самого гордится тем, что ты такой... что не поднимаешься. Что зов обходит тебя стороной. Наш общий разум долго присматривался к таким, как ты, потому мы и навевывались сюда так часто. И не сказать, как я был рад этому.

— Папа, что значит подняться?

— Ты не поймешь, Миша. И слава Богу. А теперь прощай. Мы — в этом одном на всех теле — едины. Нас миллиарды душ, ушедших за молодостью, любовью, знаниями, могуществом. Мы — человечество. И нашу единую волю зовёт Космос. Уже сегодня мы улетим. Даже наш разум не способен предугадать, чем же закончится это путешествие. Один человек с миллиардами душ поднимется на корабль. Один человек с миллиардами душ отправится на поиски Бога.

— Годо сегодня не придёт, да, папа?..

— Ты прочитал наконец...

— Папа, я справлюсь?

— И не сомневаюсь, сынок.

12 февраля 2043

Этой зимой выпало так много снега, что сидеть у окна и смотреть на выбеленный мир — одно удовольствие. Немного мешает расставленная на подоконнике рассада, но это мелочи.

Впервые за год я вспомнил про свой дневник. Не перечитывая прежних записей, пишу сейчас эти строки. Не хочу вспоминать в деталях всё описанное мной.

Ещё только февраль, а я уже грежу весной. Запахом проснувшейся земли. Встревоженными голосами соскучившихся по родине птиц. Эта весна будет особенной. И, надеюсь, такой же остро неповторимой, как предыдущая.

У меня на коленях притих Ингмар; он так и косится на лежащую на полу Ингрид. У неё опять будут котята. О Боже, Землю поглотят кошки!

Ингмар убаюкивает меня мурчанием. И я снова вспоминаю прошлогодний апрель. Самый тревожный, счастливый, кроткий апрель всей жизни. Я хочу написать о нём, но не нахожу слов. Если вам интересно, спросите всё у моей жены. Она сейчас хлопочет на кухне. Скоро обед.

Наверное, опять макароны. Это удивительно, но она умудряется всякий раз сделать их вкусными.

Услышав плач, я скорее качусь в детскую. Маленький Галька проснулся и сейчас смотрит на меня галочьими глазами и улыбается. Я говорю ему, что уже совсем скоро мы будем гулять по нашему парку. Что когда он чуть подрастёт, соберём вещи и отправимся на восток. На поиски новых друзей. Дети не должны расти в окружении только взрослых.

— Ты, Галька, обязательно встретишь удивительно красивую девочку. Она будет любить цветы и книги. Так же, как твоя мама, — говорю я.

— И уж мой-то сын не станет мучить её ожиданием. Придёт и скажет: мол, так и так, жить без тебя не могу. Переезжай ко мне со всеми своими кактусами, — заходя в комнату, говорит Эви.

Я ловлю её взгляд и вижу, как в ночных глазах качаемся мы с Галькой.
— Как же я боялся приблизиться к твоему дому. Окончательно убедиться, что ты ушла. Я ведь не знал, что Бондик сказал так по твоей просьбе и то была твоя... шутка.

— Да-а-а, я всегда любила удивлять. И, может быть, на свете я вообще теперь одна такая.

— Какая, Эви?

— Которая поднялась. Жаль, о том даже не с кем поспорить!

Харитоша

Когда я подъехал к родителям, часы показывали полпервого. В три мне надо быть у начальника. А тут этот звонок. Мамин голос дрожал. Я представил, как трясутся её руки, держащие трубку, и рассердился. И, кажется, накричал на неё.

Сейчас родители усадят за стол, и придется есть маковый пирог, который я почему-то любил в детстве, и пить какой-нибудь вонючий компот из облепихи.

Обычно отец встречал меня на пороге, а сегодня — нет. В прихожей стоял густой запах корвалола. Не пропах бы костюм.

Зажимая нос и стараясь смотреть, куда наступаю (пес Джеки страдает недержанием, а вляпаться в лужу не входило в мои планы), я прошел внутрь.

— Мама, папа!

Сказать честно, я изрядно уже переволновался, прежде чем нашёл родителей. Они сидели на кухне и молчали.

— Почему не отзывались?

Поцеловав маму, я протянул руку отцу и занервничал ещё сильнее. У папы никогда ничего не дрожало, а тут...

— Да что случилось?! — заорал я. — Джеки умер?..

Мама прошептала:

— Харитошу забрали.

Я чуть не взвыл от облегчения, однако спросил:

— Кто забрал?

Мама в ответ только заплакала.

— Ну перестаньте! — замямлил я. — Ведь он старый был!

Тут я споткнулся о папин взгляд и замолчал.

Неужели я стану таким же сентиментальным? Родители ничего не сказали, я сам вспомнил новости. На дружественной планете разгорелся конфликт, и мэр города решил выпендриться, отправив в поддержку власти роботов. Всеобщая мобилизация, усмехнулся я про себя. Ну какой из Харитона воин?.. Робот старого образца. Кажется, в новостях говорили, что всем выдадут взамен новые модели.

— Сынок, — вдруг подал голос отец. — Мы тут вещи собрали. Говорят, сегодня перед отправкой их собирают на площади. Отнеси Харитоше...

Я чуть не чертыхнулся. С ума сошли старики. Зачем ему вещи?.. Сглотнув, я кивнул.

Прощаясь, мама встала на цыпочки и, нагнув мою голову, поцеловала в макушку. Как маленького перед поездкой в летний лагерь.

Из окна машины дул ветер, прямо на место мамино поцелуя. Наверное, из-за этого я и не выбросил сверток. И понесся на эту чертову площадь. Там уже сотни андроидов сверкали на солнце под жужжание камер.

Как же найти среди них нашего? Вокруг было много народу, и звать его по имени не хотелось. Но в моей руке как будто всё ещё дрожала отцовская, и я крикнул:

— Харитоша!

Все камеры повернулись ко мне. Развернувшись, я поспешил обратно. Пусть думают, что я потерял знакомого. Надо сейчас картинно обернуться и посмотреть назад. Так я и сделал. И напоролся взглядом на Харитона. Второй в третьем ряду — он стоял и смотрел на меня. Как тогда, когда провожал в школу и, остановившись недалеко от дверей, ждал, когда я будто бы один пройду оставшиеся шаги. И все увидят, что я уже взрослый. Как же я хотел поскорее вырасти...

— Харитоша, — прошептал я так тихо, как только мог. — Возвращайся, пожалуйста. Что-то мелкое, мокрое коснулось щеки. Вытерев лицо, я побежал к машине, крепко прижимая к себе родительский сверток, остро пахнущий корвалолом.

Красная кнопка

В раскрытую сумку приземлился паспорт. Эва, не останавливаясь, глянула, как он лёг. Аккурат меж фотографией и ключами.

Осмотрелась в последний раз.

Посидеть ещё хоть чуточку в своем кресле. Но сколько можно?

Эва жмёт на красную кнопку. Та послушно загорается. Через секунду в руках Эвы потёртая книга. Бросает её в сумку. Та прикрывает собой снимок, на котором женщина обнимает смеющегося младенца.

Заметив это, Эва морщится. Красная кнопка — и томик снова у неё. Через секунду он отправляется в уничтожитель мусора.

Пора выходить. Напоследок можно и хлопнуть дверью. Вот так! Эти стены пропитались её жизнью, как одежда духами.

«Ничего, выветрится», — мрачно думает Эва.

На улице — солнце. Какое яркое... Ещё недавно ей казалось, что она может растаять под солнечными лучами, как масло на толстом куске хлеба.

Красная кнопка — и тёмные очки прикрывают истончившиеся беззащитные глаза.

Эва идёт по улице. Перед выходом она накрутила старую помадой Марты. Вызывающе красные губы. За 80 лет впервые позволила себе такую пошлость.

Ни одного прохожего — удивлять некого. Эва зажмуривается и представляет себя молодой. Вот она — на огромных каблуках, в чёрной кожаной мини-юбке, до невозможности вульгарной, и в белой гипюровой кофточке, сквозь дырочки которой видна грудь, — бежит по дороге.

Куда бежит? Эва не знает. Может, за автобусом? Или... к любовнику? У неё никогда не было кожаной мини-юбки, гипюровой кофточки, огромных каблучков и любовника. И куда можно бежать одетой именно так, она не может представить.

Но как же хочется, чтобы она бежала. Такой вот полуголой, решительной-безрассудной.

У Эвы на виске бьётся жилка. Красная кнопка — и палец послушно гладит её. От этого делается холодно. Нестерпимо.

Пронзительно остро скрипят шаги Эвы.

Как долго она не гуляла на улице? Лет десять?

Бесцельные прогулки не поощрялись общественностью, и Эва сидела дома, читала книги. Вытирала пыль. И за всем этим всегда ждала. Ждала дочь в гости. А Марта приезжала редко. Пару раз в год, а то и реже. Бросала на пол какие-то блестящие пакеты с подарками. Пристально на неё смотрела и, как в детстве, называла маманей. Дочь говорит, что счастлива, но почему-то всегда спешит, и ей некогда даже попить чай.

Марта. Аккуратистка. Брезгучка. Фифонька.

На лице Эвы, как разрыв на истончившейся выцветшей бумаге, появляется улыбка.

Она всё идёт и идёт вперед. Мимо сверкающих неонем городских пустот. Каких-то закрытых зданий. Пролетающих на огромной скорости аэромашин.

Уже вечер. Солнце янтарём поджигает листья деревьев. Эва нечаянно забрела в заброшенный парк. Сейчас она сядет вот на эту скамью и будет смотреть на огни многоэтажек.

Красная кнопка, и Эва садится, поставив на колени сумку. Оранжевым, жёлтым, красным светятся окна. Голова кружится, когда представляешь, сколько чувств в один и тот же момент проживают люди. Сотни, тысячи, миллионы жизней протекают одновременно, то соприкасаясь друг с другом, то нет. Кто-то несётся вперёд на немыслимой скорости, тогда как другой еле плетётся, озираясь на каждом свёртке. И всё происходит «сейчас». В эти секунды! И насколько в масштабах Вселенной всё это ничтожно, коли мир до сих пор не разорвало от противоречий. Эва, заворожённая этим пониманием, долго смотрит на один из балконов. Причудливый узор на пластике напоминает ей птицу. А следом — старую-старую сказку, которую любила слушать Марта.

Эва всегда начинала сказку одинаково, шепотом, нараспев:

— В тёмном-тёмном лесу жила-была белая-белая Сова. — Тут Эва делала паузу, досчитывала про себя до десяти и продолжала: — Она знала имена всех зверей и растений. Умела разговаривать с рыбами. И понимала, о чём говорит дождь.

Однажды точно в такое же утро, как все предыдущие, но совершенно другое, у неё родилась Ая.

— У-у-у́, — сказала маленькая рыжая доченька. Услышав эти робкие первые звуки, белая Сова забыла, как надо дышать. Ей показалось, что вместе с воздухом она вместила в себя все северные сияния и рассветы.

— У-у-у́, — повторила Ая, и белая Сова наконец выдохнула.

День за днем она училась быть доброй матерью. Обитатели леса то и дело качали головами, наблюдая, как она вместе с птенцом катается по земле. Показывает язык. Нет да и скажет кто из них, что белая Сова лишилась своей мудрости.

— Мама, мама, я заяц! Смотри, как я прыгаю! — и маленькая Ая, растопырив лапки, бежала по тропинке.

Заканчивалось это тем, что она всякий раз зарывалась клювиком в снег. Белая Сова проделывала то же самое. Финальное опрокидывание в сугроб у неё получалось особенно лихо. Ая смеялась на весь лес, и затем они вместе повторяли это ещё пару раз, прежде чем полететь домой греться ромашковым чаем.

Бурый медведь, став как-то свидетелем этой игры, рассердился. Громко топнув лапой, он прорычал:

— Кто же так воспитывает детей? Птицы должны учиться быть птицами! Зайцы — зайцами! Безобразие!

Белая Сова сделала вид, что не услышала этого.

Так шли дни. Сменяли друг друга месяцы. Ая выросла. В один из вечеров она сказала:

— Мама! Мама! Мама... Я не могу больше жить в нашем лесу! Днём снится мне, как я летаю среди жёлтых бабочек. Как склоняюсь над невиданными цветами. Я хочу улететь из нашего леса. Туда, где начинается солнышко!

Белая Сова долго молчала, прежде чем ответить:

— Лети, Ая. Лети только вперед и никуда не сворачивай. Твой путь будет далёким, и не вздумай поворачивать назад. Иначе солнце сожжёт твои крылья.

Стремительным было прощание. Белая Сова знала, что слёзы расставания внушают сомнения, и торопила дочь изо всех сил.

— Какая бесчувственная, — судачили потом обитатели леса.

Но белой Сове не было до того никакого дела. Она знала, что её вера поможет дочери преодолеть путь.

Зимы меняли наряды, время снегов приходило и уходило, а белая Сова всё ждала свою Аю.

И как-то утром, когда раскинувшиеся снежные поля осветились голубым цветом, к ней с высоты спустился орёл.

— Белая Сова, здравствуй, — горделиво поздоровался он. — Я прибыл к тебе с другого конца света передать привет от великой Аи. Она правит всеми зверями и птицами нашего края!

— Что Ая просила мне передать? — перебила орла Белая Сова.

— Она хочет увидеть тебя!

— Хочет увидеть меня, хочет увидеть, хочет...

И Белая Сова засобиравалась в дорогу. Обитатели тёмного леса не стеснялись говорить в полный голос, что у Аи нет совести. Ведь выдержать такой перелёт может даже далеко не каждая молодая птица. Но Белая Сова никого не слушала.

Она вылетела глубокой ночью, чтобы никто не видел её слез. В этом лесу прошла её жизнь, а Белая Сова знала, что сюда не вернется. Она летела и в дождь, и в град. Мимо южных стран, мимо морей и океана. Никуда не свернула и ни разу не обернулась.

Когда она пролетала скалистый суровый край, её сердце дрогнуло. Тогда Белая Сова поняла, что пора спускаться.

Стоял промозглый сырой день. Белая Сова кружилась над чужим неприветливым лесом и звала дочь.

— Ая, Ая, Ая...

— Уу-у́,— послышалось из глубины леса. Из последних сил Белая Сова величественно развернула крылья и устремилась на голос дочери. На ветвях дуба сидела Ая, а рядом с ней — два чёрных совёнка.

— Уу-у́,— повторили совята.

Белая Сова, как когда-то давно, затаила дыхание. Что-то невиданное рождалось прямо на её глазах. Распрямялось, расцветало, растворялось в воздухе. Сев рядом, Белая Сова долго-долго молчала.

Наконец-то она была дома.

На этих словах сказка заканчивалась. Марта просила продолжения. Эва злилась. Эту историю она узнала от бабушки, а та от своей бабушки, и рассказывать сказку про Белую Сову стало семейной традицией. Эве же она никогда не нравилась и казалась набором пустых фраз.

— Нет продолжения,— говорила в ответ и давала зарок не рассказывать больше сказку, но всегда уступала уговорам Марты.

Сейчас Эва радуется этой истории. Неожиданно для себя она шёпотом нараспев говорит:

— В тёмном-тёмном лесу жила-была белая-белая Сова.

И медленно, слово за словом, рассказывает всю сказку. Первый раз в жизни плачет в конце. Эва вдруг понимает, что ни разу не была у Марты дома. Та звала, а она отказывалась. Почему? Боялась стеснить? Что за глупости?.. Мысли об этом, как головная боль, остры и безжалостны. И Эва, борясь с ними, незаметно для себя засыпает.

Просыпается от шума. Она не одна в парке. Сквозь деревья видны всполохи костра.

Красная кнопка — и Эва встает. Ей хочется с кем-нибудь поговорить. Раздвинув ветви, выходит на большую поляну. Здесь сидят у огня трое. Двое мужчин и женщина лет тридцати. У неё непокрытые грязные волосы, чёрные злые глаза, а в руках — Эвина сумка.

Эва подходит к ним. Красная кнопка — и она протягивает руку.

— Отдайте... пожалуйста!

Девушка начинает хихикать.

— Заткнись,— говорит девушке седой с перебитым носом.— Садитесь-ка с нами,— обращается уже к Эве.— Выпьете? — он протягивает ей стакан с какой-то подозрительной жидкостью.

Красная кнопка — и Эва берёт его. Красная кнопка — и Эва сидит у костра.

Языки пламени словно дрожат от голода. Так кажется Эве.

— Откуда вы, бабушка? — спрашивает седой.

Эва неопределенно кивает головой в сторону.

— Верните сумку, — просит она опять.

— Стира, отдай!

Девушка показывает седому кукиш. Тот встает, подходит и бьет её кулаком в нос. Брызжет кровь. Стира ползает по поляне и кричит. А затем затихает, прижавшись спиной к дереву.

Эве страшно. К её ногам бросили сумку. Красная кнопка — и Эва одним глотком выпивает содержимое стакана. Горло сжимается от боли и отвращения, которые сменяются ощущением тепла.

Эва открывает сумку. Всё на месте, кроме фотографии, на которой она вместе с Мартой.

Она хочет пожаловаться седому, чтобы тот заставил девушку вернуть снимок. Но Эва не делает этого. Сидит и смотрит на пламя.

Седой больше ни о чем её не спрашивает. А через какое-то время вовсе уходит. Следом за ним куда-то в кусты уползает и несчастная Стира.

Бледная луна освещает парк. Костёр медленно догорает.

— Дайте мне выпить, — неожиданно подает голос тот, второй.

Эва смотрит на него и только сейчас замечает, что у него нет рук. Пустые отверстия для металлических нанопротезов.

Красная кнопка, Эва подходит. Красная кнопка — наливает из бутылки в стакан. Красная кнопка — приставляет ко рту.

— Спасибо...

Пьёт и морщится. Не старый. Эва не может определить, сколько ему лет. Глаза то ли серые, то ли вовсе бесцветные.

— Спасибо, — повторяет он. — Меня зовут Зденек.

— Вы поляк? — машинально спрашивает Эва, хотя это ей совершенно безразлично. Как замороженная, смотрит туда, где должны быть его руки.

— Великое общество не делит людей по национальным признакам. В великом обществе все равны и свободны. В великом обществе царит братство.

Три постулата, которым учат в начальной школе.

Зденек ухмыляется. Так, что становятся видны его жёлтые кривые зубы. Всё столь некрасиво в нём, что Эве неловко. Будто и не человек перед ней.

— Ты так стара, что прощаю тебе твою нескромность, — гогочет он. Впрочем, и это получается у него довольно уныло. — Я чех. Наполовину. Так же, как и человек. Видишь, отчасти железный. Если быть точным, то на тридцать три процента. А ты?..

Эве не нравится это «ты».

— На семьдесят пять.

Первый раз говорит это вслух. Марта не знает об операции, а больше и сказать-то об этом некому.

Зденек, присвистнув, глядит на неё в упор.

— Никогда ещё не видел таких терминаторов, как ты.

Эва смеется. Тихо и сухо, как будто идёт по листьям. Смех шаркающий, тусклый. Эва слышит это сама, и ей грустно.

— Пару дней назад мне позвонили из какой-то клиники. Сказали, что я счастливчик и они бесплатно меня подлечат. Надо подписать какие-то бумаги, и всё...

— И ты поверила?

Эве не хочется вспоминать тот день. Как в последний раз спускалась по лестнице. Кололо в боку, жгло в коленях, спине. Она шла и думала, что скоро станет легче.

— Да, Зденек. Они выпотрошили меня, как рыбу. Я и сама не знаю, что осталось во мне моего.

Зденек долго молчит, прежде чем попросить:

— Дай ещё.

Эва выливает ему остатки.

— Я слышал подобные истории. По договору ты отдала им квартиру?

Эва кивает.

— Да, они молодцы... напшиговали тебя железом по чесноку. Дура ты.

Зденек ругается. Беззлобно, скорее по привычке.

— И я дурак. Напился в баре до чертиков, очнулся уже без рук. Всегда найдется тот, кому нужен металл. Вот и я бы сейчас тебя обокрал, да нечем.

Эва глядит на Зденека. Наверное, он одних лет с Мартой. Может быть, она даже видела его маленьким мальчиком, когда гуляла с дочерью.

— Зденек, у тебя есть дети?

— Думаю, нет. Хотя кто знает. Только ни они мне не нужны, ни я им. А у тебя, поди, есть?

Эва кивает:

— Дочь. Я вырастила её одна. Родилась — маленькая, как перышко. Моя Марточка...

— Так чего ты не идёшь к ней?

Презрительно посмотрев на Зденека, ничего не говорит в ответ. В ночной тишине становится слышно всё. Кажется, ещё чуть-чуть, и можно будет услышать прошлое. Эва боится прошлого. Она вдруг осознает, что очень замерзла и проголодалась. Это её пугает. Как есть, когда ты из железа?

— Зденек, скажи... я могу есть? Зденек?! Ты спишь?..

Красная кнопка, и Эва подходит к Зденеку так близко, что может потрогать его.

Ей так хочется прижаться к тёплому и живому, что Эва садится рядом. От Зденека пахнет мочой и грязью, но это её не отталкивает.

Из сна выдергивает свет. Проектор бьёт прямо в лицо. Эва ослеплена и ничего не видит перед собой.

— Тут парочка бесчипных. Грузите в машину. Проверим на месте, кто такие. Мгновение, и Эвы касаются чьи-то руки.

— Кэп, старуха железная! Неподъёмная!

— Так пусть сама идёт,— отзывается сердитый голос.

Эве хочется возразить. Сказать, что не железная. Но язык прилипает к нёбу. Красная кнопка, и она безропотно заходит в кузов.

Машина несёт их куда-то. Тусклый жёлтый свет уродует лица. Эва пытается рассмотреть всех пассажиров, но у неё не получается.

Её укачивает, как это всегда было в транспорте. Всё становится зыбким, и Эве временами кажется, что она едет в школьном автобусе.

— Вытряхивайтесь, доходяги!..

Двадцать-тридцать шагов от машины до серого здания кажутся бесконечными. Впереди — спины, спины и спины. И ни одной прямой. В одних из них ей мерещится Стира. У неё фотография с Мартой. Эва спотыкается и чуть не падает.

Сзади матерится парнишка, один из полицейских. Эва почему-то думает о нем, как о солдатике. С юным нежным лицом. Совсем мальчик. Почему солдатик? О войне Эва только читала. И то в детстве. Великое общество подарило миру стабильность. И какой только дурак назвал его великим?..

И когда? Эва не помнит. Наверное, после всеобщего чипирования. Марта тогда только получила аттестат зрелости, а это значит, дочери было пятнадцать. Какой же это был год? 2050-й или 2055-й?

— Поживее! — окрик солдатака врывается в беспорядочные мысли Эвы. Она так и не может вспомнить. Перед глазами Марта. У неё снова чёрные короткие волосы и подбородок сердечком.

— Мама, я сдала экзамены! И первой из класса чипировалась. Посмотри!

Марта вытягивает вперед ладошку. Между указательным и большим пальцами наклеен розовый лейкопластырь. Тарелка летит из Эвиных рук.

— Ну что ты, мамочка! Это ведь ничуть не больно,— тараторит Марта.— Больно, пока укол делали, а потом раз-два и готово! Зато я теперь никогда не потеряю проездной! А ведь сколько раз теряла. Ну, мамочка, не смотри так! Не надо!

Марта говорит взахлеб. И всё время смущенно улыбается. Эва ловит её взгляд. Просеивает его через миллион внутренних сит и не находит ничего необычного. Только веселье и смех. И ещё чуть-чуть стыд.

— Только представь, мне не надо будет ничего больше учить! Ни-когда! Ты чего так удивленно смотришь? Не знаешь, что чип — это как выход в Интернет? Вот спроси, что хочешь? Например, кто выиграл чемпионат мира по шахматам в 2000 году?

Кто же? Кто же? Кто же?

Марта жмурится. В набат ударяют секунды. Эва слышит их слоновий топот.

— Ой. Пусто в голове... не нахожу ответа.

Марта растерянно смотрит на Эву.

Эва долго молчит. Ей хочется вырвать из руки дочери вживлённую под кожу микросхему. Растоптать ногами. Сварить в закипающем супе. Вместо этого она говорит:

— Если не можешь найти ответ, значит, не так задаешь вопрос. Не волнуйся. Ешь.

Марта радостно расправляется с салатом. Эва наливает ей борщ и садится рядом.

У дочери по лицу разбросаны веснушки. Весёлые, смешные. Кончик носа облупился на июльском солнце. Острые, ещё подростковые черты лица, а во взгляде уже — тайная неопределенность, мягкость.

— Маманя, я зачислена в группу претендентов на место секретаря молодежной добровольческой организации. Ты тоже чипируйся. Тебе сложно, что ли? Ради меня. Ну все уже знакомые взрослые так сделали. Чтобы у меня проблем не было из-за тебя.

Угусь?

— Эвелина Ивановна Бриолик, 2012 года рождения.

Свет лампы оголяет привыкшую к темноте Эву. Напротив стоит полицейский. В одной руке у него её старый паспорт (он держит его на расстоянии от глаз, будто боится испачкаться), а в другой ай-чип. Он проносит вслух данные, ай-чип, реагируя на речь, тут же показывает, что есть на неё в базе.

Читает полицейский с трудом. Его выдают губы. По ним видно, что он проговаривает текст про себя. Напрягаясь при этом, как первоклассник.

Взглянув на ай-чип, Эва мгновенно считывает сухой канцелярский язык:

— Родилась в Москве. 15 лет работы библиотекарем. По возрасту оформила отказ от чипирования. Проживает по адресу: проезд Угольный, дом 5. Дочь — Марта Фелитова.

Когда полицейский доходит до последнего предложения, его глаза округляются, и он говорит в полный голос, так, что слышно всем: дочь — Марта Фелитова.

По камере, в которую затолкнули человек сорок, пробежался легкий ох. Словно все дружно в одно и то же мгновение вздохнули и выдохнули.

— Простите, Эвелина Ивановна.

Полицейский неловко склоняет голову, будто кланяется ей. Ай-чип дрожит в его руках. Паспорт он бережно кладёт обратно в её сумку.

Он выводит Эву в длинный тёмный коридор. Постоянно повторяет что-то, Эва старается слушать, но у неё не получается. Мысли-воспоминания, как собранные в банку с водой жуки, пытаются выкарабкаться наружу, лезут вверх и падают, падают...

— Дочь, ты куда?.. Опять уходишь?

Марта, не поднимая головы, шнурует ботинки.

— На собрание, маманя.

Эва стоит напротив. Её фартук припорошен мукой. Она напекла блинов к приходу дочери, а та, переодевшись, убегает куда-то.

— Марточка, что за собрания? Что вы там обсуждаете каждый день? Посидела бы дома. Книгу почитала.

Марта выпрямляется, в её глазах — смех.

— Зачем, мама? Кто читает теперь? Вот ещё — тратить на это время. Ты забыла про чип? — Тут лицо дочери на мгновение делается серьёзным. — Кстати, ты обещала чипироваться. Обещала и не сделала!

Эва снимает фартук и прижимается спиной к стене.

— Я не хочу.

— Мама, это важно. Милая моя, хорошая! Ну почему ты не хочешь?

Эва молчит. Слова Марты о книгах, сказанные на бегу, без желания ранить, вышибли из неё весь воздух. Стало нечем дышать от боли и чувства утраты.

Что такое книги? Это дедушка Лёня. Когда он шурился за чтением, маленькой Эве казалось, что его разбегающиеся от глаз морщинки улыбаются. Становясь в городской библиотеке за рабочий стол, он будто делался выше ростом. Низенький, с добрым, чутким ртом и глазами, в которых ей чудилась нагретая солнцем ореховая скорлупа и сладкая чурчхела.

— Читай больше, доченька. Доверяй книгам, они никогда тебя не оставят, — говорил он, глядя Эву по голове. Показывал тиснёные тома красной кожи. — Это Софокл, это Шекспир, это Пушкин. — Подрастешь, люби их, как меня.

Эва смеялась над этими словами. А когда белым дождем яблоневых лепестков занесло могилу дедушки, вспомнила их. И читая каждый раз — Шекспира, Софокла, Пушкина — смеялась и плакала. Между строками видела деда.

Книги — это её собственный папа. После смерти деда он занял его место. Продал своё дело — пару магазинов и фабрику по изготовлению папирос — и встал за книжный прилавок. И каждую субботу Эва приходила в библиотеку с маленькой Мартой. Дочь не хотела идти сама. И она несла её, двухлетнюю куклу со щеками-булочками, на ручках. Почитать, конечно, не удавалось с ней рядом, и Эва водила её между стеллажами. По чёрным, белым, красным томам прыгали солнечные зайчики. Папа из-за стола улыбался своим девочкам. С каждым разом всё более тонкий. Он будто бы вытягивался, словно продолжал расти. Эва боялась замечать, как старость выпивает из него жизнь. Она запретила себе делать это.

— Воробышек, когда ты в последний раз перечитывала Брэдбери? — спросил он в ту субботу. — Эвочка, он гениален. Я горжусь, что тоже библиотекарь. Вот, возьми «Вино из одуванчиков». И не говори, что у тебя нет времени на чтение. Это ерунда! Читай ночью. Нельзя позволять себе оставаться. Сердце должно работать, а книги заставляют его трудиться.

Не успела Эва перечитать. Теплый сухой сентябрь дышал в спины собравшихся. Отец всегда любил раннюю осень. И ушёл именно в это время.

Через год Эва окончила медицинский, но пошла работать не в больницу, а в эту библиотеку. Зачем? Она не смогла бы ответить. Беречь книги, разговаривать с ними. Знакомить с другими людьми. Слышать в читальном зале голос деда, отца.

— Кто читает теперь? — сказала Марта — юная, современная.

Эва по-прежнему молчит. Она боится посмотреть на дочь и увидеть не свою девочку, а взрослого чужого человека.

Марта обнимает её за плечи и прижимается к ней.

— Ну пожалуйста!

Эва гладит тонкие чёрные волосы. Когда-то давно она думала, что невозможно любить ребёнка от мужчины, без которого можешь жить. Тогда ей казалось, умри отец Марты, и тут же умрёт она. Первый раз она поцеловалась в 24 года. Эва любила и плакала. Отец Марты был женат и жил далеко. Редкие встречи дарили надежду на чудо. И оно произошло — Эва забеременела. Первые месяцы накрыли её с головой невидимым, не дающим дышать одеялом. Одеяло заглушало слёзы и укрывало от осуждающих взглядов знакомых.

Эва долго его носила. А потом незаметно вдруг поняла, что никогда не знала любви. И тот человек не любил её тоже. И это ничего не значило,

потому что Марта стала продолжением её дыхания. И одеяло исчезло. Мир вокруг оказался намного чище и красивее.

— Не удивляйся ничему вслух. Иначе в жизнь воплотится то, что кажется тебе невозможным,— поговаривал раввин, живший на их улице.

Так Эва доказала, что его утверждение верно. Её семья никогда не была верующей. Мама-караимка, наверное, умела говорить с Господом. Но она умерла, когда Эве было семь лет. Папа же вобрал в себя кровь многих народов мира. Дедушка говорил, что отец — человек без корней. Печально при этом качал головой. Отец же в ответ только смеялся. Можно сказать, что их семейной религией стала любовь к книгам. Но раввина, живущего по соседству, уважали. И он частенько приходил в гости. Садился на лавку под вишню. Долго говорил с дедом. Смеялся. Он бы понял Эву. И, наверное, нашел бы, что сказать Марте сейчас.

Поцеловав дочь в лоб, Эва говорит:

— Доченька, нельзя просто так всё узнать. Нужно самой учиться. А потом представь, что весь Интернет теперь в твоём теле. И не только ты всё знаешь, но и про тебя всё знают.

Глаза Марты — весёлые, теперь постоянно весёлые — нахмуриваются.

— Ты пугаешь меня?

Эва качает головой:

— Нет. Но я не понимаю, почему тебе нравится всё это. И что вы делаете на этих бесконечных собраниях?

— Поём, мама...

Марта отстраняется, чтобы, посмотрев ей в глаза, сказать:

— Поём хором. И у меня лучше всех получается! Вот послушай!.. Вме-е-е-есте мы си-и-ла, вме-е-есте стреми-и-и-имся!

— Замолчи!..

Эва пугается своего тона — резкого, злого.

Марта вскакивает на ноги.

— Ты всегда, всегда так, мама!

Коричневая деревянная дверь от удара ещё долго чуть слышно поскрипывает. Слышно, как из крана капает вода. У Эвы мокрые щеки. Слезы на вкус как кровь.

Она не знает, как уберечь дочь. Жизнь вокруг так стремительно меняется. Больше всего сейчас Эве хочется обнять родителей и спросить, что делать. Но их нет на свете. С ними ушло и знание. Живое, важное, как вода и хлеб. Знание о предках, о вере. Знание, которого не дадут даже книги...

Примерно через год Марта оставит её одну. Будет навещать, но с каждым разом всё реже. А на все вопросы станет отвечать смехом и улыбкой. Так что Эва перестанет вообще о чём-то спрашивать.

— Эвелина Ивановна, чаю?

В кабинете тепло и светло. Здесь не экономят энергию. Эва сидит за столом напротив человека в сером костюме. На его одежде нет никаких отличительных знаков, но Эва понимает, что это большая фигура.

— Или кофе? У меня отличный кофе. И я отменно умею его варить.

— Спасибо, ничего не надо, — говорит Эва, хотя ей очень хочется.

— Простите, я не представился. Генерал-майор внутренней политики Леонид Андреев.

У него сумрачные, уставшие глаза. Даже их цвет — зелёный — словно затянут дымом.

— Я понимаю, что с вами случилось, Эвелина Ивановна. Поверьте, вы можете есть и пить. Разрешите сделать вам кофе?

Эва кивает. Андреев — подтянутый, с уверенными и живыми движениями — внушает ей страх и симпатию. Откуда-то из глубины всплывает мысль, что вот к такому бы она побежала на свидание в гипюровой кофточке.

Генерал-майор ставит перед ней чашечку с чёрным кофе. Бархатистая пенка вся в лакомых пузырьках. Господи, какой аромат! Она отпивает глоток и зажмуривается. Ей всё ещё страшно глотать.

— Смелее, Эвелина Ивановна. Я знаю случаи, когда люди, попавшие в переделку, подобную вашей, умирали от жажды и голода. — Андреев подмигивает ей. — И не волнуйтесь по поводу квартиры. Медицинский центр не заберёт её. Я уже позвонил. Вы можете смело возвращаться домой.

— Вы всё это из-за Марты... — догадывается она.

Красная кнопка, и Эва отставляет стакан в сторону.

Она не может понять, что происходит. Почему одно только имя дочери производит такой эффект. Чего же не знает она о Марте? Стараясь скрыть панику, Эва говорит первое, что приходит в голову. Механическое произнесение слов спасает её. За ними — та Эва, которую никто не видит: трясущаяся от страха, с беззубым плачущим ртом грудного младенца.

— Генерал-майор, у вас удивительное сочетание имени и фамилии. Вы знаете об этом?

Андреев выразительно молчит. Эва жмёт раз за разом на красную кнопку. От чёрного и сладкого кофе мысли становятся чётче.

— Был такой писатель. Полный ваш тезка. Но вы ведь сейчас не читаете книг. Впрочем, это не важно. Скажите, почему вы...

Эва теряет. Матери не должны такое говорить вслух. Она закрывает глаза.

— Скажите, кто сейчас Марта?..

Андреев долго молчит. Только глядит на неё в упор. Собирается с мыслями. Взвешивает всё «за» и «против». Отточенный, как карандаш. Опасный. Умный.

— Эва Ивановна, это известно всем. Любой ребёнок ответит на ваш вопрос. Неужели вы... правда не знаете?..

Генерал-майор встаёт из-за стола. Подходит к окну. Долго глядит в ночную тишину, разрезаемую светом прожектора.

— Ваша дочь — легенда. Одна такая. Десять лет назад наши учёные добились большого прорыва в науке. Вы, наверное, слышали про «Эйдос». Это глобальный проект генетиков и психологов, которые доказали, что Интернет можно сделать живым. Дать ему плоть и кровь. Чипирование было его предвестником. Тогда впускали виртуальный мир в себя. Согласно «Эйдосу», нужно было сделать наоборот. Войти самому в Интернет. Звучит сумбурно, но я не специалист.

— При чём здесь Марта? — не выдерживает Эва.

Слова Андреева впиваются в её мозг, иссушают его.

— Если говорить коротко, то ваша дочь стала Интернетом. Представьте себе огромный кристаллический лес. Бесконечный. Множество лучей в нём соединяются и расходятся, рождая бесчисленные пространства. 21 апреля 2088 года ваша дочь вошла в него. И как бы вам это сказать... У вас же нет чипа? Вот, смотрите.

Генерал-майор садится напротив Эвы. Закрывает глаза. Какие-то секунды его лицо кажется беспокойным. Словно он ищет что-то. Затем всё растворяется в его умиротворенной улыбке.

— Эва Ивановна, я сейчас слушаю вашу дочь. Марта поёт детскую песню про чёрного дрозда. Знаете, в моем детстве она часто звучала по телевизору...

— Я ни-че-го не понимаю. Где моя девочка? При чем тут чип, Интернет, лес?

Эва говорит медленно. Хотя внутри всё надрывается от крика.

Андреев открывает глаза, и в них холод и лёд.

— Ваша дочь ушла в Интернет. Дала ему свою плоть, память, голос. Мне, маленькому, часто читали сказки. Среди них была сказка о драконе, которому отдавали в жертву принцессу. Так вот, ваша Марта решила уйти к дракону сама. Вы сказали, что мы сейчас не читаем книг. Но нам и не нужно. Знания сами вливаются в нас. Сами находят нужных людей. Они ведь все уже тут — в голове... Ваша дочь не единственная. Тысячи других ушли в Эйдос — в кристаллический лес. Но только Марта приходит, стоит только её позвать. Если я скажу, что ваша дочь сейчас у меня в голове, то не соврну. В каком-то смысле так оно и есть на самом деле.

Андреев наливает себе кофе. В безмолвии обостряются звуки. Шум льющейся воды, глухой звон чайной ложечки, касающейся бортиков фарфоровой чашечки, дыхание Андреева. Эве кажется, что даже электрические лампы шумят и давят на её сознание.

— Эйдос... Каждый день в нём исчезают люди. Бесследно и безвозвратно. Никто не знает, в чём секрет и почему так вышло, но лишь ваша дочь обрела бессмертие. Стала утешением ищущих. С кем разговаривает подросток, перед тем как полететь с крыши? С Мартой. Кто слышит последние слова приговорённого к смертной казни? Марта. Кто ободряет самых жалких людей, не достойных, казалось бы, прощения? Всё она. И те, другие, обласканные успехом, находят покой с Мартой.

— Вы не понимаете,— невпопад шепчет Эва. Резкий голос Андреева как тупой-претупой нож, режет и режет её.— Не можете понять. Вы — дьявол,— добавляет она.

Генерал-майор кривит рот вынужденной полуулыбкой.

— Я понимаю вас. Моя жена. Она ушла год назад. И ничего не осталось. И никого.

Красная кнопка, и Эва встает со стула.

— Вы отвезёте меня к этому лесу?

Андреев качает головой.

— Никто не знает, где он. У него нет адреса. Каждый сам находит его. Или же... наоборот. Простите, я не смогу вам помочь.

Эва ощущивает глазами лицо генерал-майора. Скалистое, каменное лицо. Вдруг ей делается жаль этого чужого, несомненно страшного человека.

— Что же. Смерть — дело одинокое,— говорит Эва и пробует улыбнуться.— Тогда, пожалуйста, вставьте мне наконец этот треклятый чип!..

Небо — чёрное, синее, с прозрачными всполохами, предвещающими рассвет,— плавает в глазах Эвы.

Она сидит на скамье. В том же парке. Генерал-майор оказал ей любезность и лично привёз сюда.

— Спасибо,— кивнула ему головой. Думала, он сразу уйдет, а он сел рядом и долго не уходил. По его напряжённому взгляду Эва поняла, что он в Интернете. Может быть, с её Мартой...

— Я каждый день ищу этот лес. И никогда не могу найти,— неожиданно отзывается Андреев.— Интернет для меня — как длинный коридор улиц. Все дома закрыты, а я один. И так всегда с тех пор, как ушла моя жена. Только Марта иногда выходит ко мне.

— Вы любили её? — спрашивает Эва.

— Не знаю... Пока жили вместе, я не думал об этом. Приходил с работы и уходил. Наверное, мало я говорил с ней. Мало смотрел на неё. Всё спешил. Вот она и ушла в Эйдос. Этот проклятый лес.

Андреев замолкает.

Холодное небо и уже еле заметные, призрачные силуэты звезд. Глядя на них, Эва, коснувшись пальцем щеки, нащупывает чип.

Впервые она заходит в Интернет. Её глаза дважды закрыты: и здесь, и там. Оставив себя, железную, испуганную, в парке, она открывает глаза и оказывается в тёплом библиотечном зале. Уютно и привычно стоят книги на стеллажах. Пахнет клеем и почему-то снегом. И точно: взглянув в окно, Эва видит, как на чёрную землю падают крупные белые шарики. Тишину нарушает смех. Эва озирается, а потом понимает, что смеется она сама.

Она снимает с полки книгу и садится за стол. Это не знакомая ей прежде книга. С жёлтой обложкой. Читанная кем-то неаккуратным. На первой же странице — отпечаток пальцев и крошки. Эва хмурится. Медленно она начинает читать. Иногда, прерываясь, глядит в окно: снег идёт всё быстрее. словно торопится поскорее укрыть собой мир. Выбелить его.

— Эва Ивановна. Эва!..

Библиотека расплывается в её глазах. Она снова в парке. Рядом с ней незнакомый мужчина. Генерал-майор. Андреев. Лес. Марта!..

Эва потрясена. Она забыла... забыла о дочери. Она села читать вместо того, чтобы искать Эйдос.

— Эва Ивановна,— повторяет Андреев.— Скажите, что вы видите в Интернете? Куда попадаете? Этот вопрос нельзя никому задать. Слишком лично. Я... я так и не узнал, что видела и где была Аня. Никто никогда никого не спрашивает об этом.

— В библиотеке,— отвечает Эва.— Я читала книгу вашего тезки. «Дневник сатаны».

— О чём она? — спрашивает генерал-майор.

— Прочитайте сами,— вымученно улыбается Эва.— Для меня об одном, для вас о другом.

Генерал-майор долго молчит. Потом поднимается со скамьи.

— Мне пора. Скоро начнётся рабочий день,— говорит он. Ещё вчера высокий и выточенный, Андреев кажется ей понурым, словно в руках его невидимый груз.

— Подождите,— останавливает его Эва.— Я вспомнила важную вещь. Могу я попросить вас?

Тот вопросительно вскидывает брови.

— Среди вчерашних задержанных есть девушка. У неё рыжие волосы и разбито лицо в кровь. При обыске вы найдете в её вещах фото молодой женщины с ребёнком. Так вот...

Эва замолкает. Она устала, и ей тяжело говорить.

— Это ваше фото? Я верну вам его,— спешит с ответом Андреев.

— Ни в коем случае. Вы помогите девочке. Есть же в вашем современном мире какие-то социальные программы?.. Или же...

Лицо Эвы смягчается. Она словно только что догадывается о чем-то, и улыбка подсвечивает её потухшие глаза.

— Поселите девочку в мою квартиру. Посмотрите за ней какое-то время. Ей нужна помощь.

Андреев кивает. И быстро уходит. Эва глядит ему вслед.

Уже совсем рассвело. Эва закрывает глаза и впервые думает о том, что современный мир не вызывает у неё отвращения.

Мысленно она трогает чип. Он как заноза. Как постоянный упрек. Вставила бы его раньше, может, не потеряла бы дочь.

Внезапно Эва понимает, что бежит по летней улице. Высокие платаны дарят ей тень. Она — в узорном платке и бело-голубом платье до пят. Ступни её босы, и мелкие камушки приятно покалывают кожу.

Впереди раскинулся рынок. Эва идёт между палаток. Диковинные вазы и чашки. Вееры. Карты. Удивительного цвета камни разложены на земле. Таинственные мешочки, сквозь ткань которых видны ребристые края неведомых зёрен. Тут же, в шаге от них, стаканчики с пряностями, сухими фруктами.

Эва летит. Никогда так легко не ступали её ноги. Ей хочется найти зеркало и посмотреть на себя. Скоро это желание становится единственной её целью. Она заглядывает внутрь ярких шатров. Раздвигает занавески. Вот ей уже мерещится серебряный край рамы, укрытой старым пыльным холстом. Эва заносит руку, чтобы отодвинуть его.

— Не надо.

Высокий. С золотыми, как у тигра, глазами. На чёрных кудрявых волосах — красная шапочка. Древнеримский нос на прямом лице. Он отводит Эвину руку в сторону. Его ладони горячи. На среднем пальце перстень с жёлтым халцедоном.

Эва глядит и глядит на него. Долго. Её сердце поет какую-то древнюю гортанную песню. Весь мир кружится в солнечном танце.

Эва встает на цыпочки и падает, падает в высоту. Поцелуй, как змея. Быстрым ядом поджигает кровь.

Её тело бежит, бьётся, отражает удары. И эхом по безлюдному рынку разносятся сладкие, как вино, звуки.

Эве кажется, что вечности не хватит глубины, чтобы вместить весь её женский стон.

Когда она освобождается от него, неумолимая пустота очищает сознание.

Вокруг чёрная южная ночь. Сквозь холст блестит серебром полоска зеркальной глади. Эва отодвигает материю пальцем. И снова падает. Падает. В глаза древней старухи с неживыми карминовыми губами.

Эва снова в холодном парке. Идёт дождь. Красная кнопка, и ничего. Ничто не двигается. Стальные мускулы не слушают зова.

Эва смотрит на небо. Серое, однотонное, как закатанная в асфальт когда-то живая дорога.

В душе не осталось ни капли жалости и любви к себе. Эва думает лишь о смерти.

— Ты позволишь?

На лавку садится худой, как зубочистка, старик. Коричневый шарф, тощенькое пальтишко, суконные штаны, похожие на кальсоны. Вид не-леп и смешон. А во взгляде... горячее сладкое какао. Он смотрит на неё, и Эва наполняется теплом. Будто с каждой секундой получает заветный глоток.

— Так нельзя, доченька. Совсем измотала себя,— говорит он и укоризненно качает головой.— Эва, Эва...

— Откуда вы знаете моё имя? — звуки даются ей с трудом. Она вся — как ржавое усталое железо.

— Надо же, старика ребе не узнала? — смеется он, и Эва с изумлением понимает, что это старый знакомый её деда. Раввин с соседней улицы.

— Почему так, дедушка?

Сухой внутренний плач раздирает. словно кошка упала под лёд. И царапает льдину, пытается побороть желание тела сдать и умереть. Сло-вно под обломками надежды и веры задыхается маленькая душа.

— Я потеряла дочь. Я бросила Марту.

Ребе гладит Эву по голове. По старым впалым щекам.

— Она захотела и ушла. Это был её выбор. Ты научила её выбирать, и это замечательно, девочка. Тысячи людей уходят в Эйдос, а находят лишь пустоту. Почему, Эва? — спрашивает ребе. И тут же нараспев отвечает: — Потому что сами ничем не заполнены. Им бы сжать себя, жертвовать собой да родить новый мир. Но они ничего не нажили за жизнь. А твоя Марта смогла. И у тебя получится.

— Правда? — умоляюще, одними глазами спрашивает Эва.

— Правда. Я верю в тебя,— торжественно и серьёзно говорит ребе и шмыгает носом.— Современные люди умирают от безверия. Не стало одной общей веры во что-то большое и чистое. Снегопад, доченька, это большая сила. Светлая. А маленькая снежинка — мутно-серая капелька, впитавшая в себя грязь с поверхности земли.

— Я предала дочь. Сейчас. Вы не знаете, ребе,— шепчет Эва.

Старик смеется.

— Чтобы кого-то найти, надо сначала отыскать себя. Так иди же вперед. И не теряй себя больше... И меня тоже.

Эва благодарно закрывает глаза. И перед ней раскрывается разноцветными листьями — лес. Живой искрящийся лес. Её дыхание легко. Она идёт по воспоминаниям, как по опавшим листьям. Спокойно и радостно. Всё было и будет так, как должно.

— Здравствуй, Эва,— говорит она.— Ну и соскучилась я по тебе.

Тысячи картин встают перед ней. Великих и жалких, грозных и обезоруживающе смиренных.

Перед одной Эва склоняет голову. Святая Анна с дочерью на руках. Подле них младенец. Маленький Бог играет с ягнёнком. И они оба — жертвы. Символ будущей эры. Эва не может оторваться от них. Ветер кружит красные и коричневые листья. Развеивает её волосы. И будто бы шепчет ей голосом ребе:

— Люди разучились не только верить, но и мечтать. Они желали стремительно преодолевать расстояния, и в мир пришли машины и самолеты. Стоило им захотеть знаний — бесплатных и быстрых — и воплотился в жизнь Интернет. Но ведь ничто не даётся даром. Люди рассчитались временем. И вот им уже стало казаться, что ничего нет, кроме работы и удовольствий. И они захотели перестать быть. Так возник Эйдос. Лес желаний. Здесь можно раствориться, можно родиться заново. Можно остаться и можно уйти.

По щекам Эвы катятся слезы. Но ей не больно. Так должно быть. Она смотрит на младенца. Как же хочется погладить его по голове. Зарыться носом в пушок кудрявых волос.

— Прости,— мягко говорит она и машет картине рукой. Деревья обступают её со всех сторон. Пряно пахнет прелой листвой.

— Марта, Марта! — зовет она.

И ничто, кроме радости встречи, не тревожит её душу.

— Марта, доченька, я пришла за тобой,— повторяет она.

И в сплетении высоких деревьев, будто обнимающих друг друга, ей чудится еле слышное: «Уу... Уу...».

Эва прибавляет шаг. Она бежит, и сердце сладко поёт в груди.

— Уу-у-у...

Эва раздвигает ветви: перед ней в изумрудной сочной траве сидит маленькая рыжая сова.

Леонид Андреев попал домой следующим утром, в субботу. Сходу плюхнулся на диван. Домашний робот снял с него куртку и обувь, молча

скрылся за дверью гостиной. Программа была настроена на беззвучный режим. Андреев не любил говорящую технику.

За окном серым потоком который час подряд шёл дождь.

— Писатель Леонид Андреев, — неожиданно запросил он поиск.

Поморщился, увидев: ноль запросов за последние десять лет. Открыл «Дневник сатаны». Читалось тяжело. Генерал-майор злился, морщился. Потом не выдержал, закрыл книгу и сказал тихонько:

— Марта, спой, пожалуйста, про дрозда.

В белом платье, с раскосыми глазами цвета моря, она пришла и запела. Тонко, дивно. Но это была не детская песенка, а «Casta diva».

И слушая эти звуки, хотелось раствориться. Перестать быть. Что-то непостижимое касалось сердца. Андреев понял, что плачет.

Музыка оборвалась. Марта улыбнулась и протянула в пустоту руку. Мгновение, и перед генерал-майором возникли две женщины. Одна из них — юная, со смеющимися глазами — показалась ему знакомой.

— Генерал, не забудь о моей просьбе, — сказала она. И через секунду исчезла вместе с Мартой.

В голове Андреева ещё долго звучала музыка. И пели будто не люди — ангелы.

Зелёные голодные

Вода капала в бочку, я смотрел на расплывающиеся круги. Фонари давно погасли, и сквозь разбитое окно светила только луна.

Когда идёт дождь, я всегда вспоминаю того мальчишку. В ту ночь он забрался в мой дом и провел в нём всё предзакатное время. Голодный зелёный цвет глаз. Им было так холодно — зелёным голодным, — что я сразу полюбил мальчишку. Стоит ведь только чуточку пожалеть, как незаметно начинаешь любить. Вот я и потянулся к нему из своего угла. Вылез на середину комнаты и сел рядышком.

— Кто здесь? — спросил мальчишка.

Мне и голос его понравился. Ровный и тёплый, как речной камушек, прогретый солнцем.

— Мыши, наверное, — сам себе ответил мой гость. — Как же здесь зябко.

У него была тощая курточка, он втянул в рукава руки и сидел так, обхватив себя за колени. И ведь не спал. Хотя как заснешь, когда ветер сквозь щели в стене пересчитывает тебе ребра?

Я по чуть-чуть начал дышать зелёному голодному то в бок, то в спину. Думал, накроет его сном, да и полегчает бедовому. Ан нет. Заговорил вслух, и меня будто за горло сжали от мысли, что мальчишка со мной разговаривает, когда ни видеть, ни чувствовать не должен.

— Не глянулась ей картина. Одну секунду посмотрела и отошла. А я ведь для неё писал. Знал, что на выставку придёт. А другие хвалили. О... бездумные краски! Егор льёт их на холст столько, сколько нельзя, и смеется при этом. Буйство цветов и линий, а за ними ведь ничего! Он и сам это знает. А Вале понравилось...

Ох, разгорячился мальчик. Не болен ли? Точно — пышет, как печка. Нельзя мне было, конечно, но я положил ладони ему на лоб. И держал, пока лишний жар не покинул тело.

Мальчонка замолчал. Я и рад был. Поневоле вобрал в себя часть его сил, и теперь меня заливало горячим. Будто кто лил на голову кипяток. Впервые за долгие годы я почувствовал злость.

Нашёл художник, из-за кого горевать — безмозглой дурочки, не умеющей разглядеть главное. А паренек дар имеет. Я-то вижу. Эх, женщины...

— Что?

Зелёный голодный ощупывает темноту. Я, оказывается, сказал это вслух. Не стоило...

— Что — женщины? — повторил юнец.

И я рванул с горки вниз, зажмурив глаза:

— Дуры.

Нельзя мне было с ним говорить, но я не вытерпел.

— Ну вот... Я так и думал, что здесь ещё кто-то есть. В темноте ничего не видно, — улыбнулся парнишка.

Он ничуть не испугался. Пристально посмотрев на него, я догадался, что мальцу даже в голову не пришло, что рядом вовсе не человек.

— Почему дуры? — спросил он.

Искушение ответить захлестнуло меня. И я, зажмурившись, сказал по слогам:

— По-то-му.

А когда открыл глаза, увидел, что зелёный голодный глядит на меня в упор. Непередаваемое чувство...

— Дуры, мой мальчик. Как же иначе? — понёсся я в карьер. — Дуры... Тебе ещё мало лет. Ты не пробовал ни мёда, ни акрид.

— Почему? Я...

— Помолчи, пожалуйста. — Я прикрыл ладонью его рот, и мои пальцы потеплели. — Послушай.

Он рассмеялся. И этот смех я люблю до сих пор. Будто рассыпались солнечные зайчики. Прямо мне в руку. Столько тепла за одну ночь я не знал все последние сто лет.

— Ты знаешь, кто жил в этом доме? Давно, очень давно...

Мальчишка помотал головой. Ну конечно. Откуда ему знать?..

— Обыкновенная женщина. Её звали Люся. Смешное имя она носила гордо, как диковинную шляпу. У неё был вздернутый нос, веснушки и отвратительное чувство юмора.

— Вы любили её?

Я кивнул. И долго молчал, прежде чем продолжить.

— С детства. Ещё когда она бегала наперегонки с уличными собаками. Отважнее сорванца не было в округе. А я рос тихим мальчиком. И любил поест. Люся же могла за весь день сгрызть яблоко и быть сытой. Я любовался ею издали. Мы выросли, так и не подружившись.

— И?.. — Зелёные голодные вцепились в мои прозрачные серые, и я побежал по ним, как по мосту, в своё прошлое.

— Я уехал учиться в другой город. Стал архитектором. Даже немножко прославился. И каждый, каждый божий день я думал о Люсе. Представлял, как возвращаюсь и строю для нас дом. Не похожий ни на что на свете. Своими руками — один. И когда уже достраиваю крышу, приходит она. Лето, вечер. Остро-остро играют на скрипках цикады. Я сижу на козырьке и вдруг вижу Люсю. В длинном жёлтом платье. Ветер раздувает его, на мгновение обнажая белую полоску ткани. У неё загорелые ноги, на которых смешные красные туфли с бантиками.

Я спускаюсь, и Люся медленно подходит ко мне. Смотрит в глаза. Долго-долго... А потом целует. Я беру её на руки и уношу в дом.

— Как в сказке. Так не бывает, — говорит мальчишка.

— Бывает. Если долго мечтать, если верить, то всё будет. Будет по писанному тобой. Месяцами я представлял эту сцену. До мельчайшей детали. Я знал, как украшу комнату. Куда поставлю пузатую стеклянную вазу с подсолнухами. Какую вырежу подставку для обуви, на которую скину потом с Люси жёлтое платье. Я всё знал.

— И у вас получилось? Люся пришла?

— Да...

Холод закрывает мой рот. И я беру тепло у мальчишки. У него много, а мне надо закончить историю.

— Да, — повторяю, — да, мой мальчик, Люся пришла вечером 24 июля и встала под крышей моего дома. И ветер поднимал её платье. И она улыбалась неловко и чуть смущенно.

— А потом? — зелёные голодные сияют, встревоженные моей историей.

— А потом пришло утро, юный художник. Я придумал счастливую жизнь для себя и притянул в неё Люсю. У моей девочки не было такой воли, как у меня. Она не сумела поверить в свою судьбу и зажила по моему сценарию.

— Люся не любила вас, да?

— Да. И нарисованное мной счастье превратилось в беду. О, она стала образцовой женой. Утром мы завтракали в просторной кухне. Развевались белые занавески. Пахло булочками и кофе. Я уходил на службу, а она бросалась на кровать и плакала.

— Почему вы ничего не сделали для неё?

— Я думал, что сделал Люсю счастливой и не хотел замечать обратного. Мы прожили вместе год. Её прежде полные смеха глаза стали пустыми. Я кричал на неё. Не от злости, поверь. Видя, как она страдает, я мучился. Но что же я мог сделать?..

— Отпустить!

— Это я теперь понимаю, мой мальчик. А тогда мне казалось, что я её благодетель. Ведь я окружил её красивыми вещами, комфортом. Ей же нужны были, как и любому другому человеку, трудности, которые она бы преодолевала. А я лишил её этого. Отобрал свободу и голод. Закрыл любопытство на ключ и глубоко его спрятал. И...

— Она умерла?

Я припадаю к дыханию мальчика и забираю ещё тепла. Иначе мне не выговорить ни слова.

— В один из дней я вернулся, а Люси нет. Её искал весь город. Только через неделю какой-то рыбак обнаружил тело. Оно зацепилось за корягу... распухшее, чёрное...

— Не верю,— говорит мальчик. Его тихий голос еле слышен сквозь дождь, судорожно стучащий по чёртовой крыше.— Не верю, она же была сильной и смелой.

— Да, а ещё порядочной. И обнаружив утром себя рядом со мной, решила, что любит, ведь иначе и быть не может. И надо всё делать так, как положено. А так нельзя, мальчик. Нельзя как положено. Нельзя, чтобы по писаному. Чтобы идеально смотрелось. Пусть твои рисунки всегда будут с тайным изъяном. Не продумывай каждую мелочь, и тогда в них поселится настоящая жизнь. Это как яблоки. Огромные и яркие чаще всего в рот не возьмешь. Их специально выращивали для красоты. А над маленькими и червивыми никто не старался, и потому они сладкие.

Тут я спотыкаюсь о слово, само заскочившее мне в голову. Да... сам я бы его не нашёл. Именно так — райские. Я говорю его про себя. Парнишка всё равно не поймет, рано ему ещё. Да это и не понять — пережить нужно. Мне вот больше века понадобилось.

Тонкие солнечные лучи пробиваются через окно в комнату. Зелёный голодный всё ещё смотрит на меня, а мне уже нечего рассказать.

— Уходи, мальчик,— шепчу я.— И никогда никому не придумывай счастья. Даже себе. Оставь это Богу.

— Подождите! Как вас зовут?..

Я качаю головой, прижимая палец к губам. Больше ни слова. Я забрал и так слишком много у тебя, юный художник.

Зелёный голодный ждёт ответа, но только мыши тихонько шуршат в углу.

С трудом поднявшись, мальчишка уходит. Боюсь, я награжу его кашлем до самых последних дней. Слишком много тепла отдал он мне. Глупый, доверчивый — зелёный голодный.

* * *

Вода капает в бочку, я смотрю на расплывающиеся круги. Меня почти не осталось. Ещё чуть-чуть, и я смогу уйти. Туда, дальше...

Рядом стоит картина. Её принёс утром какой-то мужчина, я не успел разглядеть. Поставил в комнате, сдернул полотнище и тут же ушёл.

Я вновь набираюсь смелости посмотреть и разбиваюсь взглядом о девушку с золотыми волосами, будто плывущими на ветру. В её глазах — смех, поделённый с жалостью. И я качаюсь перед ней на ветру, тоненький, как стебелёк осенней травы. И последнее, на что у меня хватает сил здесь, — это поклониться её зелёным голодным зрачкам и поцеловать рядом с ней воздух.

Но вот я становлюсь всё легче и легче. Город уже подо мной, как игрушечный. Я нахожу взглядом дом художника и заглядываю внутрь. Да, это он, мой мальчишка. Уже седой, сутулый. Сидит за мольбертом и кашляет в кулак, боясь разбудить жену и детей.— Прощай,— шепчу я,— ты не забыл. И угадал всё, вплоть до мельчайшей детали. Забери обратно картину. Покажи людям.

На миг он поднимает глаза, и я сквозь всё небо вижу в них этот восторженный благословенный голод.

Между

В ящике лежал конверт. Семён долго стоял и смотрел на белеющий уголок.

Снег слепил. Солнце, выкатившись в самый центр небосвода, заливало всё стерильным хирургическим светом.

Стянув варежку, Семён стылými пальцами коснулся заиндеветшего ящика.

Его не было около часа. Никаких чужих следов у крыльца. Кругом снежное, холодное, безлюдное пространство.

— Трезор, — прошептал он. И тут же ещё раз, но уже уверенней: — Трезор! Тот заскулил в ответ.

— Слава богу...

Рывком открыл незапертую дверь. Рыжим комком вертнулся под ноги пёс. Спешно зашёл и закрылся на засов.

Оглядел комнату. И здесь никого не было. Да и Трезор не пустил бы чужого. На столе красный телефон с выдернутым из розетки шнуром. Горка хлебных крошек. Железный стакан с коричневым налётом по краям, а рядом с ним нового типа френч-пресс, в котором пробки от винных бутылок.

Проникшее через занавески солнце разделило на части скатерть. Положило белую дорожку через замызганное зеркало на стене.

Семён привалился спиной к трёхному стулу. Из-под валенок успели натечь на пол лужицы.

Конверт. Письмо... Люди!..

— Трезор, сядь рядом, — тихо попросил. Погладил по голове. И поймал карий с золотинкой посередине взгляд, закрыл глаза.

Сколько так просидел?.. Очнулся уже в полумраке.

Как тяжело заставить себя двигаться. Такая тишина кругом, что страшно её нарушить.

С трудом разогнулся. Заковылял было к печке, да судорогой свело ногу. От боли повалился и замер на месте. А когда нашёл силы подняться, услышал хруст. Так скрипит снег под валенками.

Кто-то ходил под окнами. Семён вжался в пол и почти перестал дышать. Страх скрутил лёгкие.

Кто-то заскребёс под дверь. Будто длинным ногтем провели по дереву. Через секунду, когда зазвонил телефон, Семён потерял сознание.

— Маша...

Два выдоха, вдох. Губы он разлепил первыми. И заново научился дышать её именем.

— Маша...

Карий с золотинкой посередине взгляд.

Она смотрела на него и молчала. На слова не хватало сил. За время его комы всё выплакала. Когда-нибудь потом она расскажет, как училась молиться.

Склонилась над ним. Коснулась лба. Их тайный поцелуй.

— Маша!

В третий раз у него уже хорошо получилось. Всё будет хорошо. Так думал он, смотря на жену. И долго, когда Мария уже ушла, в закрытых глазах билось отражение её кулона — золотого телефона с красной эмалью. Что-то оно значило, а что — он безвозвратно забыл.

Впереди — лето

Весна проковыряла дырку в небе. Акварельные кружки и стрелы поплыли по серо-белой глади. Тонкие молочные стебельки травы потянули к ним робкие усики.

Мир просыпался. А Ия хотела спать. Вернее, её тело. Сама же она боролась изо всех сил. Смотрела в окошко и думала о розах. Жёлтая англичанка ни разу ещё не цвела. Успеть бы полюбоваться. «Жена поэта» — ну и название! Ия хихикнула.

Соседка по палате Гретхен покосилась на неё, оторвавшись от телефона. Затем отдалась ему снова.

Ия всегда удивлялась, как быстро касались пальцы Греты поверхности смартфона. Картинки летали: пышные круассаны, шоколад, платье.

— Деточка, что это вы всё время смотрите? — как-то спросила её.

Грета молча убрала телефон. А через минуту опять куда-то в пустоту, за тумбочку полетели изображения.

Эдак и весну можно прозевать. Ия покачала головой.

— Грета, деточка, откройте окошко.

Солнечный луч пробежался по бледному лицу Греты и золотом лег на её волосы.

— Какая вы красивая!

— Скажете тоже.

— Скажу, деточка! Вы похожи на мою любимую розу!

— Вы опять о цветах, — вежливо улыбнулась Грета.

Ия ждала, что девушка спросит, как называется её любимая роза, но так и не сказала ни слова.

Скрипнула дверь. И Мари вся — от безукоризненно чистых туфель до дрожащих от каждого движения кудрей — оказалась здесь. Немыслимо, долгожданно близко.

— Скоро буду дома,— Ия старается не показать, как трудно ей говорить. Что слова тяжёлые, как набитые вещами сумки. Она улыбается и гладит, гладит глазами дочь.

— Маричка, должны прийти розы. Заказала перед больницей. Надо забрать.

Мари сглатывает. Опять эти розы. Такие дорогие...

Ия замечает это. Ей хочется провалиться, растаять.

— Доченька, я всё оплатила. Не волнуйся.

Мари недолго сидит у неё. Ссылаясь на дела, уходит.

Солнышка уже нет в окошке. Ия, отвернувшись к стене, шепчет:

Астрид Графин фон Харденберг, Стефани Баронин Цу Гуттенберг...

Она ходит меж высоких кустов и дышит знойным сладким ароматом.

Жужжат пчелы.

— Ия,— тихий голос накрывает её видения, как сачок бабочку.

— Как называется та роза? — спрашивает Грета.

Щека мокрая. Внутри затхло и солоно.

— Клэр... Клэр Остин. Она дышит летом и кремом-брюле. А ещё первым поцелуем.

— Чем же я на неё похожа?

Голос девушки грустен и глух.

— Похожа и всё. Спокойной ночи, деточка.

Апрель глотает солнце, как изголодавшийся мальчишка обед. Всё залито щекочущим, тёплым светом.

Грета идёт по смеющейся улице. Её голову прикрывает смешной берет. Останавливается у магазина и долго мнётся перед дверью.

— Здравствуйте. Заказ для Ии Голди ещё у вас?

У продавщицы зелёные кошачьи глаза.

— Вы едва успели. Сегодня хотели отправить обратно. Что же так долго не приходили?

— Лежала в больнице.

Продавщица ободряюще улыбается.

— Забирайте и высаживайте скорее!

Она не спрашивает документов. И вот Грета уже на улице. Высунувшийся из коробки колючий пруттик срывает с неё берет. Покраснев, Грета торопится снова прикрыть голую, как коленка, голову. Весенний ветер целует щеки. Впереди — лето.

Счастливая

Мария стояла у двери. Мария теребила в руках узелок. Да, это она, мать троих детей и жена художника — Мария Кико. Скоро ли её вызовут?

В коридоре ещё двое. Один — до чего же красив! Черноволосый, с тонко очерченным ртом и ребячьими глазами. У соседского мальчика точно такие же. Сверху — тёплые и мягкие, словно бархатные. А под бархатом — детское любопытство, с которым без колебаний разрезается живот мертвой кошке. Разбиваются птичьи яйца. Ломаются куклы младшей сестренки. Начнешь стыдить за дурной поступок, а он поднимет на тебя глаза — безмятежные, ласковые. В них и утонут все ругательные слова.

Мария отвела от красавца взгляд. А вспомнив, что у неё на рукаве еле заметное, но всё же пятно, которое не удалось вывести, и юбка ношенная-переносная, неловко так улыбнулась с привычной для себя грустью.

Деньги — их никогда не было. А так хотелось новых игрушек для малышей. Красивой одежды. О себе уже и не думала. Лишь бы успеть накормить, убрать, принести, помыть...

Подойдя к окну, с удивлением увидела горы. Невысокие, ровные, с зовущей издалека сочной травой на склонах. По ней бы пройтись босиком. Посидеть, подставив солнцу лицо. Господи, она как вышла замуж, так и не делала того, что хотела. Ни минуты свободной. Но когда же её вызовут? Осторожно, чтобы не заметили, покосилась на тощую дверь.

Когда уже будет можно? Хочется пить...

— Да, стакан воды не помешал бы!

— Что?

Вопрос, тихий, еле слышный, слетел с её губ. Неужели она сказала, что хочет пить, вслух? И теперь черноволосый глядит на неё, и ему нужно что-то сказать в ответ?

Ах нет. Тот сидит на скамье и старательно смотрит в пол. Значит, откликнулся другой. Лет сорока. Горбоносый. С родинкой на подбородке.

— Говорю, что тоже не отказался бы выпить.

Его голос ровный, приятный.

— Наверное, скоро меня уже позовут, — зачем-то говорит она. — Меня зовут Мария. Мария Кико.

— Вы боитесь?

Она кивает. Конечно ей страшно. Как перед дверями операционной, в которой без тебя что-то делают с твоим ребёнком. Так страшна неизвест-

ность, что хочется сделать себе больно. Словно бы заранее понести наказание, лишь бы чуть позже к тебе отнесли хоть чуть-чуть снисходительней.

— А я почему-то уверен, что вам бояться нечего,— говорит он. Мария внимательней всматривается в него. И не замечает ничего особенного. Лишь рот кажется ей жёстким и властным. Такие губы-ниточки были у её отца, успевшего за жизнь обзавестись тремя жёнами. Каждую из них он бросил. От последней, а та была моложе его на двадцать пять лет, сбежал в монастырь. Кажется, оставил её беременной. Почему Мария не попыталась встретиться с этой женщиной? Кого она так и не узнала — брата или сестру?.. Впервые ей кажется это важным.

— Что же вы натворили, Мария?

Она неуверенно пожимает плечами и ещё больше сутулится.

— Вы еврейка? — неожиданно вступает в разговор черноволосый. У него звонкий и чересчур громкий голос.

— Если да, тогда можете ничего больше не объяснять,— говорит он и яростно смотрит на Марию. — Я возмущен, что так долго нахожусь тут. И если уж заговорили о проступках, то виновен лишь в том, что не спас пациентку. Да, я врач! Я вылечил многих!

Мария чувствует себя избитой, отстёганной его взглядом. Она из последних сил глядит на двери, и ей кажется, что из-под них пробивается свет.

— Йозеф Менгеле ¹, — доносится откуда-то сверху.

Черноволосый вскакивает и, победно оглянувшись на оставшихся, бежит к дверям.

— Наконец-то!

Мария вздыхает. Ей кажется, что её уже никогда не вызовут. Она снова отходит к окну. Чёрная, пропитанная дождями и бесконечными ожиданиями рама. За ней то, о чём она так долго мечтала. Бездумная и беспечная прогулка. Мария открывает окно, и свежий воздух врывается в коридор.

Тот, что с родинкой, подходит так близко, что Мария слышит его дыхание.

— Здесь невысоко. Я мог бы спрыгнуть,— говорит он.— Может... Вы тоже?

¹ Йозеф Менгеле — главный врач концлагеря «Освенцим», проводивший опыты над пленными. Его жертвами стали десятки тысяч человек. Ему удалось избежать наказания. Доподлинно известно, что он умер во время купания в 67 лет. Виновным себя не считал и ни в чем не раскаивался. Это стало известно из интервью с его сыном Ральфом Менгеле.

Она качает головой.

— А если вызовут? Нет-нет.

Тот, что с родинкой, улыбается. Чуть виновато и как-то криво, одним уголком рта.

— Понимаете, я не виноват. Это было её решение, а значит, и грех тоже.

Мария, не желая смущать словами, поднимает брови и выразительно смотрит.

Тот, что с родинкой, начинает говорить. Долго и путано. Мария ничего не понимает, но слушает про какую-то короткую встречу и случайную ссору. Про долги и любовь, которая не-любовь. Ей непонятно всё это, она не привыкла осмысливать сердечные порывы. Но этого человека ей жаль. Да и его монолог отвлекает от страха.

— И вот я здесь, застрял в бесконечности. С пустыми руками... А ведь тоже помогал. Дарил. Любил... Но, пожалуй, я не готов говорить об этом. Знаете что? Я погуляю немного.

Он свешивается вниз и прыгивает. Мария долго смотрит вслед и видит, как он исчезает за ближайшим холмом.

Одна. Совсем одна перед дверью. А что, если войти без спроса? Может, там ещё этот — Менгеле?

Мария замирает у порога. Мария тянет на себя ручку. Впереди белый свет. Он пронизывает небольшую классную комнату с партами в три ряда. За одной из первых — черноволосый.

Мария стоит и смотрит, как на большом экране проносится перед ней жизнь этого красивого человека. Вот он идёт в университет. Помогает перейти дорогу пожилой фрейлейн. Защищает какую-то исследовательскую работу, показывая рукой на обнажённых лилипутов. Марии кажется, что им больно и страшно, но сам Менгеле весел и горд. Ему аплодируют. Десятки картинок сменяют друг друга — ярких, богатых. Мария делает шаг назад и закрывает двери. Кто она по сравнению с ним? Мария плачет. Слезы сухие, рвущие спазмом горло. Так, задыхаясь, плачут лишь маленькие. Она прячет лицо в руках, заглушая плач. Ей стыдно, что его может кто-то услышать. Мария пытается вспомнить себя, а видит лишь играющих детей, мужа, их любимого пса Фила. Его пришлось усыпить, и Мария знает, что ей придётся ответить за этот поступок. Да, всему виной бешенство, но глаза, глаза старого Фила будут преследовать не лису, укусившую его за лапу, а её, Марию, позволившую сделать ему смертельный укол.

А ещё, ещё... Воспоминания встают перед ней огромными полотнами. Кажется, только шагни... Она не раз видела такие в местном музее, куда так любил водить её муж. Ей всегда становилось тесно в галерее, где с портретов величиной с целую стену смотрели на неё дамы в пыш-

ных одеяниях или их пухлые отпрыски, так не похожие на её детей. Так, что сразу хотелось сбежать. Оказаться в мастерской Франца, где жили маленькие пейзажи — незатейливые, скромные. Такие любят получать в подарок, но не покупать. Ведь смешно тратить деньги на букет сирени, дышащий на бумаге, если рядом с домом растет целый сиреневый куст.

Но уходя душой в прошлое, Мария, цепляясь взглядом за свою кухню, их такой живой и старенький дом, видит перед собой другие картины.

Вот она выводит детей гулять и не сразу замечает, что у дороги лежит мужчина. Грязный, опухший. С перебитым носом. «Не смотрите», — говорит она малышам и скорее уводит их прочь. А вечером узнаёт, что тот умер.

Почему я ничего не сделала, чтобы помочь?.. — шепчет Мария, и это «ничего, ничего, ничего» тупо колет её под сердцем. И сколько таких «ничего» ещё было? Специально не видела, не слышала, не понимала.

— Простите, что у вас в узелке?

Мария вздрагивает и открывает глаза. Перед ней тот, что с родинкой. Его лицо мокрое от капель дождя. Мария невольно сглатывает. Как хочется пить!

Тот, что с родинкой, показывает на узелок и повторяет вопрос.

Мария понимает, что не знает ответа. Признаться в этом как-то неловко. И она, стараясь скрыть смятение (ведь как это можно, даже не посмотреть, что там?), заглядывает внутрь... и видит туфли. Кожаные остроносые туфли на шпильке! Свою мечту. Сделанные известным мастером, они были непозволительно дорогими. Муж полгода трудился на двух работах и отдал ей почти весь второй заработок. Так и сказал: «На мечту». А Мария потратилась на другое. Ей всё равно было их не с чем носить. Помимо нужных домочадцам вещей купила дочери куклу. С длинными голубыми волосами. Как же радовалась Ани! Её младшенькая. Настоящие родители Ани погибли во время пожара, и они с мужем взяли малышку к себе. Мария всегда мечтала о дочери. Как долго они привыкали друг к дружке... Бывало, Мария с трудом дожидалась ночи, чтобы, уткнувшись лицом в стену, вволю наплакаться. Так болезненно и трудно давалось всё. Это потом они превратились в лучших подруг. И даже внешне стали похожими.

Марии не хочется больше плакать. Она, смущенно улыбаясь, вытаскивает туфли. Тот, что с родинкой, удивлённо глядит на них. А потом разражается хохотом.

— А я-то гадал зря! А там, Мария, дождь. Как хорошо же. А ещё я напил воды из родника. Вкуснее не пил никогда. Там, у большого дуба, отсюда его не видно, бьют из земли сразу семь ключей. Думал, что уже не увижу вас. Скажите, почему вы плакали?

Мария невольным и не понятным ей самой движением берёт его за руку и усаживает рядом.

— Я заглядывала за порог... Этот Менгеле — он достойный человек. Не чета мне, а может, и вам.

— Вы думаете? — грустно спрашивает он. Его рука по-прежнему прикрыта ладонью Марии.

Она кивает в ответ.

— Бедная... Себя совершенно не цените.

Он бережным движением смахивает с её лба прядь волос.

— Вы не знаете, кто такой Менгеле, а я кое-что слышал о нём. Скажу только, что это редкостный негодяй. А вы... вы дарите надежду на чудо.

Мария изо всех сил машет головой. Нет! Это не так! Ей и хорошего-то сказать про себя нечего!

— Не возражайте! Мне благодаря вам, может быть, первый раз за долгое-долгое время стало стыдно. Вот вы смотрите на меня так доверчиво, а я, быть может, чудовище? Вы хотели пить — а напоили меня, открыв окно. Не поверите, но до вас, а я здесь очень давно, никто не догадывался это сделать. Я мог бы вам принести воды — там была кружка, железная старая кружка, — но я не захотел. Вот опять! Вы даже не спрашиваете, почему...

Мария гладит его руку. Какой несуразный человек! Не злой, но злой. А ведь тоже был маленьким. Как её мальчики.

Она не знает, как утешить его. Да и примет ли он утешение? Потому долго молчит. Так понимающе может молчать только мать, глядя на своего повзрослевшего сына.

— Мария Кико, — доносится откуда-то сверху лёгкое, как дуновение.

Мария бледнеет.

— Это меня... уже...

— Вы наденьте туфли и ничего не бойтесь.

— Но...

— Просто поверьте мне!

Мария снимает обувь, стыдясь своих неухоженных ног. Надевает туфли, старается справиться с застёжками, но руки дрожат, и тот, что с родинкой, встаёт на колени и помогает ей.

Открыв двери, она оборачивается и улыбается ему.

Тот, что с родинкой, садится на её место и долго глядит в потолок.

— Мария... Мария Кико, — шепчет он, словно пробуя имя на вкус. — Уверен, что больше не увижу её. Счастливая! С узелком... Я вот не заработал себе ничего. А этот Менгеле и подавно.

Тут тот, что с родинкой, громко выругавшись, замолкает. Он долго сидит и слушает, как бьётся его быстрое, торопливое сердце. А потом, словно

решившись на большое дело, бросается к дверям. Ещё секунда, и больше никого нет в коридоре. Лишь в открытое настежь окно залетают капли дождя. Звонкие и тяжёлые. Да ещё доносится запах летних горных цветов.

Проходит время. Долгое, неизмеримое. И в коридоре у закрытого окна опять люди. Среди них черноволосый красавец и мужчина с родинкой на подбородке.

Пончики

Достав сигарету, комиссар закурил и затянулся. Лунный свет, заглянув в комнату, высветил его плотную фигуру с круглым животом и нависшей над глазами шляпой.

— Всё поняли? Боюсь, это моё последнее предупреждение.

Проговорив фразу как можно мягче, он выжидающе посмотрел на Еву.

— Простите, — голос её дрожал, — совершенно не понимаю.

— Вам же хуже, — вздохнул комиссар, — уж и не знаю, как ещё помогать. Ведь намекнул, да что там намекнул — прямым текстом сказал, а никакого толку.

Ева всхлипнула. Ничего хорошего ей будущее не обещало. Или она психически больна, или к ней по ночам действительно теперь является пожилой господин. Угрожает и требует. Причём непонятно что.

— Вы неизвестным мне способом три дня назад оказались в моей квартире, так? — От страха Ева начала чеканить слова. Внутри тяжёлые от гнева и страха, они ещё в полёте, не успев достигнуть комиссаровых ушей, истончались и принимались слегка повизгивать.

— Вы, заявив, что я не юрист, тут же исчезли, истоптав пол и оставив после себя окурки.

Да прекратите курить!

Комиссар, засунув сигарету в горшок с давно засохшей фиалкой, молча направился к выходу.

— Стоять! Кто вы, и что здесь делаете?! — сорвалась на крик Ева. — Я и так из-за вас успокоительные сегодня купила.

— Зря. Лучше бы кардамон, — бросил комиссар и закрыл за собой дверь.

Город, укрывшись туманом, спал. Ему остались последние предрасветные сны. Как обычно, немного тревожные, вобравшие в себя самые пустяшные воспоминания. Клёккую, вспененную тишину разбудил раздраженный голос:

— Не понимаю, зачем ты притащил меня сюда?

— Тссс, не шуми!

На лавочке рядом с десятиэтажкой сидели двое. Первый — капризного вида толстяк. На нём был серый, весь в маленьких дырочках свитер и ярко-жёлтые брюки. Звали его Джим, и он очень хотел спать. Попеременно моргая то правым, то левым глазом, Джим пытался прочесть ответ на лице Шварца. Но тот молчал и только мечтательно посматривал на затянутое снами небо.

— Потерпи, Джим, уже скоро! А-а-а, вот и он!

Из-за поворота вынырнул лохматый сенбернар.

— Я что здесь — из-за собаки? — обиженно протянул Джим.

— Да нет же, смотри!

Следом за псом показался высокий мужчина. Рыжеволосый и неопрятный, с бородой, напоминающей старый веник.

— И кто это? Изобретатель летающих кроссовок? Селекционер, создавший новый фрукт?.. Фью, Шварц! Давай не размениваться на пустяки, как в прошлый раз.

— Тогда вышла промашка. Кто знал, что у Венечки страсть к бумажным самолетикам? Вероятность, что именно он изобретет ускоритель времени, была велика. А этот... этот не подведёт, у него талант величиной в десять сквэров! Де-ся-ать, Джим! И вообще, не хотел говорить, но я уже поставил на него. Хочешь — не хочешь, а деваться некуда, будем вытягивать!

Джим покачал головой:

— Ну смотри, Шварц. У меня хоть и немногим больше сквэр, но я вижу, что эта оглобля вряд ли войдет в историю, а значит, мы с тобой опять в полёте. Третий сезон подряд!

Недовольно покосившись на товарища, он направился к бородачу. Тот приседал и подпрыгивал возле своего сенбернара.

Остановившись неподалеку, Джим помотал головой, прогоняя сонливость. Затем достал из кармана сквэрктор — небольшой кругляшок с ромбовидной кнопкой — и направил его на рыжего. Аппарат тоненько засвистел, с каждым мигмом набирая обороты, так что скоро не только собака плотоядно уставилась на него, но и её владелец.

Деликатно кашлянув, Джим улыбнулся обоим.

— Что это вы на меня наставили?

Голос у талантливой каланчи оказался глубоким и мягким. «Слушаешь, будто на подушке лежишь», — подумал Джим, с трудом отогнав мысль о сне.

— Я-то скажу, мне не трудно, но вы всё равно не поверите. — И, выдержав эффектную паузу, добавил: — Да. Не поверите.

Обычно, когда Джим прибежал к этому приёму, все начинали нервничать. Этот же тип, уставившись на него, молчал. Вдобавок с таким видом, будто просто смотрел в окно. Постояв так пару минут, направился к подъезду. Сенбернар двинул следом. Причём Джим был уверен — пёс ухмылялся!

Шварц, подойдя, обнял Джима за плечи.

— Приятель, он успел забыть о тебе. Что и говорить — гений! Наконец-то нам повезло! Ты сумел его просквэрить?

— Как ты и сказал, у него десять сквэров. Талант... Как ты думаешь, к чему?

— Джимми, прекрати так ехидно щуриться! Когда дело касается сквэров, твоя очередь думать.

— Иной раз кажется, что это вообще исключительно моя обязанность. Где ты нарыл этот экземпляр?

— У него что, нет дара? Никакого? Ей-богу, не томи, Джим! Я ведь поставил на него все наши сбережения.

— Что-о-о-о?! — заорал толстяк на всю улицу так, что сонные вороны взлетели с дерева.

— Ну чего орешь, будто у нас их много?

— Твоя правда, Шварц. Почти совсем нет, — утих Джим, — но ведь как прозвучало-то!

Утерев нос, он поёжился. Утренний ветерок бесцеремонно покусывал его через дырявый свитер.

— Есть у него талант. Есть. Только к чему — я и сам толком не понял, потому тебя и спросил. Что-то связанное с радостью. Сквэктор чуть не сломался, таким сильным оказалось излучение.

Хмыкнув в усы, Шварц тоже поёжился.

— Джим, не хотел говорить: мне посоветовал заглянуть на эту улицу комиссар Эрв. Давай расскажу всё в конторе.

После этих слов Шварц хлопнул в ладоши и исчез. Джим тут же последовал его примеру.

Через мгновение они оказались в тёплой, но чрезвычайно грязной комнате, весь пол которой был завален одеждой и книгами. К столу и матрасу, а кровати здесь не было и в помине, вели две худые тропки. От широкого, во всю стену окна дышало осенней беспризорностью.

— М-да, опять ты перегнул палку, Джим! Мы у тебя дома!

— Прости. Так сильно хочу спать, что случайно подавил твой вызов. Может, останемся на полчаса? Кофе сварю.

Шварц, засунув руки поглубже в карманы, огляделся. Его не очень-то грело это предложение, но обижать товарища не хотелось. Подняв за спинку стул, стряхнул с него пару дырявых носков.

— Джим, ты что, новые купить не можешь?

— А? Не слышу...— отозвался тот из кухни, гремя посудой и ежеминутно чертыхаясь. Готовил кофе Джим знатный. Вот только разливал всегда по грязным стаканам. Вспомнив об этом, Шварц поспешил к приятелю. Но опоздал.

— Для гостей посуду моют,— изрек Шварц и, плюнув на свою брезгливость, сделал первый глоток.

— Но ты ведь не гость, ты друг! — широко улыбался Джим.— Потому я разделил с тобой последний кофе. Все запасы закончились, одна надежда на то, что комиссар Эрв не последний подонок и посоветовал тебе дело. А иначе я не играю! Жить на одно пособие по необычности я больше не могу.

— И я не могу. Виола требует подарков. Просто ума не приложу, зачем они ей.

Шварц покачал головой. Вспомнив о жене, он расхотел допивать кофе. И без того горько стало во рту.

— Помнишь, Джим, я достал для неё брошку-бабочку? Удивительно редкую, чертовски красивую! Так знаешь, что она про неё сказала? Что носить не станет! А я отдал за украшение все свои призовые за рыжего Милдона. Что молчишь? Неужели не помнишь?

Джим неопределенно пожал плечами. Он, конечно, помнил ту ужасную бабочку, у которой не хватало одного глаза. Сделанная, наверное, в бронзовом веке, она вряд ли могла украсить женский наряд. Но ведь Шварц помешан на истории и сам влюблён в это страшилище, так зачем портить ему настроение?

— Рыжий Милдон был нашей единственной удачей. Талант в девять сквэров! Какой замечательный гончар получился из него! — заливался Шварц. Кофе почему-то всегда развязывал ему язык.— И это мы, Джим, открыли его дар миру! Мы! А теперь, ты только представь — десять сквэров! И нам никто уже не может помешать. Дело за малым — определить, к чему парень годен, и незаметно указать ему верное направление.

Джим хмыкнул. За малым... Это и есть самое главное! Со Шварцем они уже пять лет участвуют в каждом сезоне тайной лиги талантов, а выиграть удалось лишь раз. Так и живут на жалкие ежемесячные выплаты, для получения которых ещё нужно пройти комиссию.

— Ну что, рванем к Эрву?

— Ты больше не клюешь носом? С этим старым лисом нужно быть осторожнее.

— И это говоришь ты, поставивший по его наводке все наши сбережения?

— Ладно, ладно... Чашки-то вымоешь перед уходом? — спросил Шварц, но Джим, уже успев хлопнуть в ладоши, пропал. Покачав головой, он осуждающе посмотрел на грязную посуду и тоже исчез.

— Мы уверены в победе, комиссар! В этот раз не упустим! — повторил Шварц.

Его голубые глаза блестели так восторженно и радостно, что если бы комиссар был девушкой, непременно влюбился бы. Слава богу, ему повезло. Причём уйму лет назад.

— Ты кофе пил, сынок? Странно он на тебя всегда действует...

Эрв, осуждающе посмотрев на Шварца, перевёл взгляд на Джима и уже совсем сморщился от неудовольствия.

— Джеймс, мальчик мой, с каких пор ты носишь этот живот? Убери немедленно. Заодно избавься и от канареечных брюк.

Джим нахмурился:

— Я уже не ребёнок. Не буду! — уперся он, не обращая внимания на отчаянные знаки, которые подавал ему Шварц.

Эрв покачал головой:

— Джеймс, а если я расскажу твоей тетушке, на что ты тратишь половину своего пособия? Как думаешь, она обрадуется?

— Какое дело старой карге? — пробурчал Джим тихонько, так, чтобы комиссар не услышал. Однако тот услышал и, к удивлению Джима, разублаблялся.

— Не такая уж она и старая, Джимми. По крайней мере, в этом сезоне наверняка надерёт уши многим! Талант за версту чует. Ведь благодаря ей и ты очутился в наших рядах.

— Да... — было единственным, что вырвалось у Джима в ответ. Он не стал говорить вслух, что этого-то он и не может простить тётке.

— Верни уже свою внешность, не тяни время, — попросил Шварц, — у нас его не так уж и много.

Скорчив злую гримасу, Джим замер на месте с таким видом, будто пытался вспомнить забытую теорему. Через секунды его облик начал меняться. Нос кнопочкой удлинился и приобрёл характерную горбинку. Полные губы превратились в тонкую скобку, а карие глаза сменили цвет на серо-зелёный. Джим вытянулся вершка на два и стал тощим, примерно как утренний господин с сенбернаром. Ни дать ни взять школьник-переросток, одетый в невзрачный серый свитер и чёрные джинсы.

— Вот и славно. А теперь к делу. Что вы от меня хотите? — спросил комиссар.

— Разрешение на вмешательство в жизнь некоего Николая Ракушко,— гордо заявил Шварц.

— Проживающего в переулке Терновом?

Ни Джим, ни Шварц не заметили, что глаза Эрва смеялись, а губы, тесно прижавшись друг к дружке, изо всех сил старались не раздвигаться в широчайшей улыбке.

— Конечно! Ведь вы сами сказали мне адрес...

— Тише, сынок, тише, не говори об этом так громко. Будет вам разрешение, а теперь оставьте меня одного, я устал от вас,— попросил комиссар, а когда они вышли, расхохотался.

Шварц уже полдня разбирал всевозможные варианты развития судьбы физика Николая Ракушко.

— Джим, ты точно его просквэрил?

— Ты не устал спрашивать одно и то же?

— Ничего не понимаю... Я всё по двадцать раз пересчитал и перепроверил. Он совершенно не примечательный! Я бы даже сказал заурядный. А ты ведь знаешь, ставку нельзя отменить.

— Ты двадцать и я сорок,— равнодушно отметил Джим.— У него и в помине нет дара.

— И что мы будем делать? У Виолы день рождения в следующем месяце, и если я ничего ей не подарю, то...

Джим, отставив в сторону архаичный кубик Рубика, закончил фразу за Шварца:

— Она тебя бросит. В тридцать третий раз, дружище. А потом вернётся в тридцать четвёртый.

Шварц ухмыльнулся. Конечно вернется. И, как ни в чем не бывало, подаст ему завтрак. Но, чёрт возьми, ему хочется наконец-то ей угодить!

— Джим, дуй к нему! Следи за каждым его движением, иначе я вызнаю у комиссара, кому ты отдаёшь половину пособия!

— И что — заложишь тётушке?

— Разумеется нет, болван! всю жизнь буду тебя шантажировать!

— Да? И что требовать станешь, о ужасный?

— А ты не догадываешься?

— Варить тебе кофе?

— Нет, посуду мыть, и не только за мной, но и за собой!

Шутка шуткой, но после этих слов Джима и след простыл.

Николай не спал толком третью ночь. Мучился самоопределением. Днём не было на то времени. В НИИ вёл скучные расчёты. Пописывал

в перерывах кандидатскую, заедая неинтересные наблюдения бутербродами. Выгуливал Чарли. Своё одиночество ощущал лишь в кровати. Глядя в окно на ржавые, обглоданные октябрём верхушки деревьев, тосковал. Старые вопросы, мучившие ещё древних людей, отравляли мысли. Есть ли Бог? Верить в него или нет? Зачем он, Николай Ракушко, живёт? Ответов у него было много, но ни один из них не казался стоящим. На той неделе он в лаборантской был с Ирочкой, младшим научным сотрудником. У неё муж и двое детей. Церковь говорит, это грех. Николай чувствовал, что поступил — и наверняка не раз ещё так поступит — очень дурно. Но в то же время что в этом плохого? А если ничего плохого нет, то отчего ему так паршиво?

— Тараканьи мысли, и сам я таракан, — вынеся себе приговор, Николай провалился в сон. Снились ему кролики. Белые, пушистые, они скакали вокруг него с просьбой выпустить к ним Чарли. «Не бойтесь, что съест?» — спрашивал их, а они лишь мотали своими сахарными головками. «А я боюсь», — повторял раз за разом Николай. Проснулся, а эта фраза на губах. Противная, как след от Ирочкиной помады. Пахучая, как Ирочкин парфюм.

— Глупость какая, ничего я не боюсь! — громко, по буквам повторил у зеркала. Улыбнулся. Выматерился. И пошёл работать.

День прожил, как по накатанной. Ожил к вечеру. Вместо того чтобы отправиться ужинать, зашёл в кафе. Сначала суп, блины, потом чай с лимоном. Заметил не сразу, что за столиком не один. Она сидела напротив — бледная и красивая. «Какая необычно обычная девушка», — отметил Николай и почувствовал, что его сердце забормотало что-то неразборчивое, но определённо милое. У неё были очаровательные веснушки, и даже морщинки, разбегающиеся от глаз солнечными паучками, показались чудесными. Вот она откусила пирожное, и в уголках рта остался шоколадный след. Как у маленькой девочки.

— Неужели я того самого?

— Предупреждаю, вы подумали это вслух!

— Да? Со мной такое бывает. Николай!

Она помолчала. Посмотрела на него, словно изнутри, и сказала тихо и просто:

— Ева.

И это кроткое и доверчивое трёхзвучье поразило его. Он не знал, что сказать, и бухнул первое, что пришло на ум:

— Вы собак любите?

Кивнула и спросила, как ему показалось, тоже нелепицу:

— А вы, что такое кардамон, знаете?

Говорили долго и невпопад, не обращая внимания на странный писк. Рядом, за соседним столом, сидел неумытый парнишка. Вертел в руках какой-то прибор и корчил недовольные рожи.

— Ох, Шварц, я чуть не помер. Невыносимая глупость эта влюбленность. На моих глазах два взрослых человека превратились в глупых обезьян! И что самое странное, именно в этот момент сквэрктор заверещал! В присутствии этой дамочки у нашего физика вдруг проявился талант!

Джим, положив ноги на стол, рассказывал Шварцу о своих наблюдениях.

— Но не радуйся, у неё его больше! Рядом друг с другом они как два новорождённых поросёнка. В том смысле, что сквэрктор подле них пищит не переставая!

— Подожди! Это всё прекрасно! Но к чему у нашей лошадки дар, ты выяснил?

Джим помрачнел:

— Нет, но, видит Бог, выясню, хотя у нас остался лишь день.

Шварц покачал головой.

— Я сам. Отдохни. Ты заметил, как быстро научился менять свою внешность?

— Заметил. Но не заговаривай зубы: почему сам?

— Да я и не заговариваю. Сам потому, что влюблен уже шесть лет в свою жену, и кому, как не мне, наблюдать за влюблёнными?! Ну а про талант твой заговорил тоже не случайно. Вспомнил, какой куш сорвала тетушка Марта, открыв тебя миру. Рос же обыкновенным мальчишкой. Если бы не она, что бы с тобой стало?

— Заткнись, Томаzzo. Я спать.

Хлопнув в ладоши, Джим исчез.

— Грубый, несносный идиот,— констатировал Шварц. Он не любил, когда его так называли, и привык к фамилии, как к имени. Даже Виола называла его своим Чернышом. О том, правда, не знала ни одна живая душа. «И слава богу»,— покраснел Шварц и продолжил вычисления. Завтра он всё выяснит. Сам.

— Неужели это я? — улыбнулась самой себе Ева, проснувшись утром в чужой постели. Самое удивительное, что ей было почему-то не стыдно. Случайно познакомившись, она и в кровати оказалась случайно: было страшно идти домой, и она рассказала Николаю про странного человека в шляпе, который уже дважды будил её ночью.

Весь вечер гуляли. Искали магазин, в котором продавался бы кардамон. Нашли.

— Пойдём ко мне. Ты будешь в полной безопасности. Я на полу лягу,— смущенно сказал Николай.

— Хорошо,— потупилась она.

Не сговариваясь, легли вместе. Тревожно молчали. До первого поцелуя.

Улыбаясь, Ева долго смотрела на залитые субботним светом верхушки деревьев. Встав, нежно погладила спящего по щеке.

В холодильнике было пусто, и она решила что-нибудь приготовить. На глаза попался пакетик кардамона с рецептом пончиков на упаковке.

Проснулся Николай с мыслью о лете с его нежно-зелёной, мягкой травой и многослойным небом. Пахло в доме божественно. Притопав на кухню, уселся за стол. Молча стал есть, изредка подглядывая за Евой. В его футболке она, такая солнечная, царствовала у плиты.

Теплота Евы, её тайное женское слилось с запахом кардамона и вошло в его кровь. Чем-то необходимым, жизненно важным, истинно вечным.

— Ева-а,— позвал он.

И, не зная, что говорить дальше, сказал:

— Твой призрак был прав — ты не юрист.

— А кто же?

— Удивительная женщина, великий повар и ещё...— тут он замаялся, не зная, как сказать это вслух.— В общем, я, наверное, круглый дурак! Но ты моя жена! — выпалил и нахмурился.

Мир терял прежние очертания, и это опьяняло. Хотелось чудить, менять всё, что только можно, лишь бы увеличить пропасть от себя самого — вчерашнего.

— Дурак, но вовсе не круглый,— только и сказала она и, подумав, добавила: — Хотя это поправимо!

Шварц пил уже вторую бутылку. За окном догорал вечер. Холодный — такой же будет его кровать, когда Виола в тридцать третий раз его бросит.

— Джимми, это небывалый случай. Вот же угораздило... Понимаешь, талант нашего физика — в любви. Он чертовски хорошо любит.

— Гм, Шварц, что ты имеешь в виду?

— Джим, ты покраснел, как девственник. Как не стыдно? Неужели подумал, что я говорю о физическом? Вспомни, когда в первый раз заработал сквэктор, рядом с ним был пёс. Видимо, наш физик в тот момент испытывал к нему особый прилив нежности.

— Ага, уровнем в десять сквэров, — грустно пошутил Джим. Мысль, что жить придётся без кофе, не давала ему покоя.

— С Евой всё понятно. Её дар — Джим, держись — в четырнадцать сквэров! К чему бы ты думал? К кулинарии! Только без нашего физика черта с два бы она его раскрыла. Так что мы всё равно молодцы, хотя ничего и не получим завтра. И почему не я первым заметил её? Эх!..

— Кулинарии... — протянул Джим. — Печь пироги куда как полезней, чем менять внешность. Как считаешь? А?

В ответ на это Шварц захрапел. Джин всегда действовал на него усыплюще.

На финальное заседание они опоздали. Когда влетели в зал, всё уже началось.

— Главный денежный приз достается победителю... — председатель жюри задержал дыхание. — Марте О. Лин! Открывшей в среднестатистическом юристе великого повара!

— Что?! — завопил Джим, но его никто не услышал.

— Замечу, что Марта О. Лин первой из участников прислала заявку и со стопроцентной точностью определила дарование девушки, которая через несколько лет станет самым известным в Европе кондитером. Создаст много новых тортов. Известно, что, полакомившись одним из них, великий поэт Юкин напишет своё лучшее стихотворение.

Шварц, от удивления хватая ртом воздух, походил на изумленного сома.

— Как?! — выдавливал он из себя и смотрел то на Джима, то на стоящего неподалеку комиссара. Как удалось ей предугадать это?..

— Мальчик мой, даже не думай искать ответ. Это Марта, — сказал Эрв, поймавший и верно истолковавший его отчаянный взгляд. Я сам не устаю удивляться, но при этом уверен, что самое гениальное впереди! Ой, кажется, церемония награждения ещё не закончилась. Послушаем?

— Также от имени судей заявляю, — возвысил голос председатель, — что специальная премия присуждается Томаззо Шварцу и Джеймсу Лямкину! За подтверждение божественного факта наличия любви в этом мире.

— Поздравляю, — похлопал Шварца по плечу комиссар Эрв и подмигнул подошедшей к ним Марте.

— Вы здорово справились, пусть и выбрали с улицы не того человека. Горжусь вами, ребята! А особенно тобой, Джим, — добавил он шёпотом. Отдавать каждый месяц половину пособия гончару, что не покладая рук создает не покупаемые никем вазы, — это подвиг!

— Тише! — взмолился Джим и добавил: — Это же мы виноваты... Милдон был справным бухгалтером. Теперь он нищий и бездомный. Жена выгнала его из дома.

— Значит, не любила, мой мальчик.

— Да, но ведь мы...

— Никаких «но». Может быть, и мне пожалеть, что сбил с пути истинного Уильяма Портера, кстати, тоже одно время бухгалтера? Или что изменил свой путь продавец картин Винсент?..

— Неужели ты хвастаешься? — строго спросила Марта, прислушавшись к их разговору.

— Да, тобой... И совсем капельку собой.

Порозовев, как школьница, Марта О. Лин засмеялась.

Ей целых 54 года. Старуха, а ведёт себя как школьница, гневался Джим. Все вокруг казались ему сущими идиотами. Особенно Шварц, который наверняка уже в какой-нибудь антикварной лавке подбирает очередное варварское украшение для своей Виолы.

— Выпью-ка лучше кофе! — подумал Джим и, хлопнув в ладоши, исчез.

Марта долго потом искала его глазами.

— Кажется, мальчик сбежал.

— Не грусти. Думаю, что урок пошёл ему впрок, — сказал комиссар Эрв. — Не глухой ведь и не слепой наш Джимми. Когда-нибудь научится видеть главное, перестав гнаться за сквэрами.

— Тогда он изменит мир, Эрв! О Господи, он ведь уже меняет его. Не окажись Джим в кафе, всё бы могло сложиться иначе. Будто одним своим присутствием соединил два биополя в одно.

— Подожди, Марта! — перебил комиссар. Получается, мы дважды воспользовались мальчишкой? Ты предполагала такой эффект?

— Уж не думаешь ли ты, старая кочерыжка, что я всего лишь хотела заработать на Джиме? Если на то пошло, то сегодня награждать надо меня не за миссис Пончик, а за нашего мальчика. Его талант не в умении трансформировать внешность, и я окончательно убедилась в этом. Неужели ты не чувствуешь, Эрв, что Джим делает людей другими?

— Ты ещё скажи, что благодаря этому недорослю и мы с тобой... — комиссар замылся, подбирая верное слово. — И мы с тобой...

— Любим друг друга? — озорно подсказала Марта.

— Вот же... Зачем всё испортила?

— Прости! Терпеть тебя не могу!

— То-то же... И хватит уже о мальчишке. Давай рванём в будущее! Стыдно признаться, но я очень хочу попробовать знаменитые пончики Евы Ракушко!

Ландыши и лайки

Васька Юдин закрыл глаза, но мысль, что он бездарность, нашла его и укусила за незаживающую саднящую рану.

Тысячи подписчиков ждали новых открытий в «Подслушано», и Васька старался как мог. Писал с десятков историй в день, и каждая из них срывала овации в виде множества лайков.

Юдин мотнул головой и отправил в ленту: «В детстве меня ставили на горох. Я стоял на коленях, терпел и думал, что, когда вырасту, отомщу родителям. Вырос и всего достиг в жизни. Сделал карьеру, у меня несколько заводов и лимузин. Когда сын подрастёт, буду проделывать с ним такую же штуку, потому что люблю его».

Господи, какая чушь! А лайки бегут...

Васька с ненавистью посмотрел в окно. Неужели кто-то верит, что люди это сами пишут?

— Вась, чайник вскипел, — донеслось из кухни.

— Иду, — буркнул он.

Раздражало всё: вылинявший Люсин халат, щербатая чашка и дешёвый вкус «Лисмы».

— Вась, ну не иди. Только не злись.

— Ничего я не злюсь. Рубашку погладила?

Люся, отвернувшись к плите, закатила глаза.

— По спине вижу — обезьянничает. Так погладила?

— Погладила. Но это глупо, ты же не в театр — в кафе с одноклассниками идёшь.

— Там Филя будет.

Люся снова закатила глаза:

— И что? Он кто? Нобелевский лауреат? А, Вась? Обыкновенный писака.

Юдин взял жменю крекеров и отправил их в рот. Настроение немного улучшилось.

— Он же бездарь, Вась. И нос у него картошкой.

— Что надеть тогда? Батник?

Люся кивнула:

— И джинсы.

Напоследок она поцеловала его — на удачу. Такой был у них особый поцелуй-талисман. Для того Люсе понадобилось встать на цыпочки, дунуть ему в ухо и только потом дотронуться губами до щеки. Именно так

сделала первый раз в жизни восемнадцатилетняя Потапова — староста и отличница, провожая долговязого друга детства в армию.

— Ну будет,— пробурчал Юдин.— Двери закрой. Продует.

В кафе Васька опять начал нервничать.

Пётр Филимонов — известный писатель. Его книги на уйму языков переведены. А он — кто? Стыдно выговорить новомодное слово — ко-пирай-тер. Вспомнив Люсины слова и её поцелуй, Васька стряхнул с себя смущение и прошептал, глядя на приближающегося к нему Петьку: «Беллетрист, не более».

— Васька! Дружище! — Литературный жупел обнял его и весь вечер не отлипал: — Помнишь, как подрабатывали грузчиками после пар? — дышал «клопами» в лицо Филимонов.— Ты чего не ешь? Ты должен заказать рябчиков. Официант!

Юдин содрогнулся, представив, сколько они стоят.

— Не ем после семи,— выдал первое, что пришло на ум, и брякнул вдогонку: — Гастрит.

Филимонов безжалостно гоготнул.

Как-то незаметно за столиком они остались вдвоем. Пётр, всё пьянея, висел на нём и признавался в любви... к Люсе.

— И что она в тебе нашла? Я бы алмазами её засыпал. Ты же что можешь? Ландыши раз в год подарить?

— Ну ты козёл,— протянул Юдин.

— От неудачника слышу,— икнула мировая знаменитость. И виновато добавила: — Давай мириться.

Юдин мрачно молчал.

— Вась, я секретом поделюсь, как книги писать. Не меньше моего денег грести станешь.

Васька аж взмок. В голову, как бывает обычно после водки, ударила надежда. Филимонов, поймав щенячий взгляд Юдина, ухмыльнулся и полез в карман.

«Договор с чёртом покажет,— пронеслось в опьяненном сознании.— Как пить дать подпишу. Может, вторым Бродским стану. Да хотя бы Довлатовым!..»

Филя достал телефон. «Значит, сейчас так, по-современному»,— заключил Васька и начал лихорадочно искать на столе нож, чтобы порезать руку, расписаться кровью.

— Вот, смотри.

— Подожди, Петя. Острое надо. Дай свою вилку.

— Зачем? Погоди с едой. Смотри, тут приложение есть.

«До чего дошли там, в аду! — восхитился Юдин. — И у них приложения. И, наверное, соцсети есть».

— Вот, Васька, открываешь «Подслушано» и читаешь. Во люди пишут!.. Я все сюжеты отсюда беру!.. Чего смеёшься, скотина?

Домой Юдин шёл счастливым. На последние деньги купил в цветочном ларьке три тюльпана. Нераскрывшиеся, щуплые, будто птичьи головёнки, они приникли к его груди.

«Жаль, что ландыши только весной продают», — подумал Васька и улыбнулся.

Сливовое желе

— Вы говорите, это последний?

Голос её дрожал, как желе. У старины Чёта была причина его не любить — особенно сливовое — примерно так же сильно, как назойливых пожилых дам.

На вид ей было под семьдесят. Сухонькая, с подвижной обезьяньей мордочкой.

— По-оследний? — жалобно повторила, скорбным полумесяцем подвесив рот к подбородку.

— Да, мадам, — сухо подтвердил Чёт. — И потому стоит так дорого.

— Тогда я вынуждена просить вас о скидке. С пустыми руками я не уйду. Вы должны понимать, что это дело жизни и смерти.

Последние слова она прошептала.

— О мадам, знали бы вы, как часто я слышу это за один только день. И как редко вижу клиентов вроде вас.

— Догадываюсь, мистер?..

— Чёт.

— Наверняка, мистер Чёт, вы имеете в виду не только недостаток своих посетителей, но и их возраст. Кто приходит за подменителем памяти, когда в пору подыскивать колумбарий?

— Гхм... — Чёт покосился на грязные следы, оставленные гостьей. Очевидно, она долго шла пешком, и из-за плохого зрения всё по лужам. И сейчас у неё промокшие ноги, да и в желудке, судя по всему, пусто.

— Тем не менее, мне он необходим, — не унималась мадам, — причем настолько, что вы продадите его по меньшей цене, иначе...

— Иначе что? — иронично улыбнулся Чёт. — Достанете пистолет?

— Иначе сегодня кто-то умрет.

Чёт от неловкости попробовал было рассмеяться, но ничего не получилось.

— Сколько вы можете заплатить, мадам? — выдавил из себя.

Больше всего ему хотелось остаться одному в лавке. Усесться в кресло с любимой потёртой книгой и забыть об этой старой женщине, напоминающей ему о его собственном возрасте.

— Не хватает ровно половины. Но зато я расскажу вам свою историю.

— Мадам, подменяя память, я и так узнаю вашу историю, причем без малейшего на то желания.

— Да, но если вы откажете, то не узнаете, отчего полностью стореда столца шестьдесят лет назад.

Глаза — ореховые с солнечными прожилками — в упор смотрели на Чёта. Отметив удивительно ясный и уверенный в себе взгляд, он впервые подумал: не согласиться ли? За последний месяц он дважды менял память. Рогатому мужу, который так любил жену, что не мог с ней развестись. И легендарному спортсмену, проигравшему последнее соревнование. «Сделай так, чтобы я выиграл. Что будут знать и помнить другие, мне без разницы. Главное — не дай проиграть! Всё равно я уйду из большого спорта!» Смешной тип. Чёт часто видел его по телевизору — розовощекого политика, «человека со стальными ногами и нервами», как представляли того журналисты.

Да, никакого криминала. У него мелкая лавочка и лицензия лишь на изменение индивидуальной памяти. Сколько скучных историй! Пожалуй, самой любопытной была подмена воспоминаний проститутки. Найдя богатого мужа, она целый год не соглашалась выйти за него замуж, объясняя это то одним, то другим. А на самом деле копила деньги, принимая в день по два-три клиента. Всё, чтобы забыть, что она когда-то продавала объятия. Удивительные у неё были глаза — синие, как жаркое, лишённое облаков небо. Если долго глядеть в них, то, наверное, умрёшь от жажды. Не глаза, а Сахара.

— Мистер?

Чёт встрепенулся. Слишком по-стариковски он стал проваливаться в себя. Для человека его профессии это недопустимо.

— Гкхм... Вы ещё здесь, мадам?

Пытаясь скрыть за хамством смущение, Чёт заволновался. Когда мать просила посидеть с ней подольше, у неё, так же, как и у этой женщины, дрожал голос. Словно проклятое сливовое желе! Её нет уже двадцать лет, у него геморрой, артрит и склочный характер. Только в голове по-прежнему подрагивает мамин голос.

Посетительница отвела от него взгляд, будто не веря происходящему. Она открыла было рот, хотела что-то сказать, но осеклась и, стиснув руки, направилась к выходу.

— Подождите! Подождите! Подождите! — трижды пробормотал Чёт. — Я уступлю вам подменитель с пятидесятипроцентной скидкой. Условия знаете?

Через полтора с лишним часа дверь лавки захлопнулась. Блаженно улыбаясь, из неё вышла престарелая дама. Она шла очень медленно, временами умиленно озираясь по сторонам. Чёт, следивший за ней из окна, видел, что всё ей нравилось и вызывало слабоумную старческую улыбку.

— Ну дай Бог, — сказал он вполголоса. — Подумать только, я сейчас спас, наверное, целую улицу. Ещё чуть-чуть, и заполыхал бы не один дом. Может, это стало бы заслуженным наказанием? Она так не считала...

Чёт бережно касался кристалла, в котором, не перемешиваясь, кипели алый, синий и жёлтый цвета.

«Справедливость — это безумие», — заявила она безапелляционно и, наверное, была права. Но что же такое тогда несправедливость?

Шестьдесят лет назад почти целиком сгорела столица. Пожар, начавшийся в центральной библиотеке, перекинулся на соседние здания. Осенний ветер довершил начатое. Сотни человек погибли. Он тогда ещё не родился, но, переворачивая в руках кристалл, видел, как заживо сгорали люди. Не помня, он помнил, как выворачивалось от боли и чувства вины сердце. Не плача, он плакал. Тысячи раз всё повторялось по кругу...

...Рыжеволосая, в круглых очках, она только что выдала решебники трём подросткам и сейчас искоса наблюдала за ними. Им было не больше одиннадцати. Двое из них — вихрастые, голубоглазые — близнецы. Третий меньше на голову, с мелкими, будто едва нанесёнными на кожу чертами лица.

— Ловко всё-таки ты поймал его! — в который раз громко воскликнул он и восторженно уставился на одного из братьев.

— Тихо ты, — довольно шикнул тот в ответ. — Отвлёк эту шавку да и схватил щенка. Делов-то!

— А у него вшей видимо-невидимо, — мелкий аж весь сощурился от удовольствия.

— Что тебе его вши? Небось сдох уже в овраге-то. Его мамаша будет знать, как ночами гавкать.

— Да она ведь от голода... — впервые отозвался со своего места второй близнец. — А мы ей за это ещё и отомстили — забрали щенка да и бросили подыхать.

— Ну вот, опять разнылся! Забыл, как родители её проклинают? Она ведь спать никому не даёт. Размером с кошку, а вреда от неё!

Перед глазами Чёта появилась жалкая собачонка. Вся в струпьях. Её белая в прошлом шерсть была грязно-серой. Судорожно давясь воздухом, она металась по улице. Убежать дальше от пристанища — вагончика, под которым родила и выкармливала щенка, — боялась. Только дергалась то вперед, то назад, тонко повизгивая. И столько невыразимой муки было в её собачьей жалобе, что Чёт оторвался от кристалла. И в его ушах эхом отозвался разговор с ушедшей посетительницей.

— ...Огонь жил во мне с детства. Стоило захотеть, и он возникал, словно из ниоткуда. Целовал пальцы. Покорный моему желанию, гас. Но тот пожар... он возник не по моей воле. Пламя мгновенно охватило детей. Вырвалось из библиотеки и разнеслось, как чума, по городу. Могла ли я остановить все это? Не знаю... Увидев глазами детей ту собаку, я словно стала ею на какое-то время, и всё моё существо требовало одного — боли. Потом... Потом пришёл черёд иной боли, не менее страшной. Боли раскаяния за содеянное.

— Вы подожгли всех детей? Даже того, кто сожалел о содеянном?

— Я... Я не поджигала никого, хотя вы вправе сказать именно так. Сгорели все. И в библиотеке были не только эти мальчики.

— И вы хотите забыть это? — спросил Чёт.

— Нет, — ответила твердо, не мешкая. — За шестьдесят лет я сроднилась с этим страданием. Оно, пусть и скрючило, сделало меня жалкой, но не убило. Я не отказываюсь от него.

— Тогда чего вы желаете?

— Дар... Забыть о нём — о своей силе. Не видеть больше ничьей боли. За все последние годы мне никогда не было так трудно сдерживаться, как последние дни. Дом по соседству заняла семья, и каждый день я слышу, как кричат дети. Сначала их бьют, затем, протрезвев, наделяют подарками. А вчера... Мальчонка лет шести на моих глазах мучил сестрёнку. Ещё бы чуть-чуть, и огонь вырвался бы наружу. Его языки давно не лизут мне руки, а только кусают. Он требует выхода. Жаждет расправы, а я держу его под замком. И боюсь не сдержаться. Огонь — это ведь часть меня, и я хочу забыть об этом. Тогда он притихнет, станет беспомощным, жалким. Знаете, мистер, не хочу никого ни судить, ни наказывать. Мне кажется, что нет ничего лучше, чем быть потешной старухой, не видящей дальше своего носа. В конце концов, замечать во всем только хорошее — даже в насилии и несовершенстве — тоже дар, только более милостивый. Уж поверьте мне на слово.

— Да... сливовое желе...

— Что?

— Ничего, мадам! Надеюсь, вы не забудете моего приглашения как-нибудь прийти на чашку чая с тостами и сливовым желе? У меня на него страшная аллергия, но раз в год всё-таки можно побаловать им себя. А теперь пройдемте в другую комнату...

АЛЬКИНЫ СКАЗКИ

Ну здравствуй!

— Ты заблудился?

— Да, — сказал зайка.

Он давно уже сидел, зажмурившись, под большим кустом барбариса. Голодный, замёрзший.

— Пошли ко мне. Чаем напою.

Услышав это, зайчонок осторожно приоткрыл один глаз и увидел лисёнка в зелёном берете.

— Меня зовут Ю! — сказал лисёнок.

— А я Светлячок, — шмыгнул носом зайчик. — А ты далеко живёшь?

— В двух шагах отсюда. Побежали греться!

Уже совсем скоро они были в норке. Посвистывал, закипая, старый чайник. Тоненько трещали дрова в камине. Светлячок сидел у огня и, закрыв глаза, молчал.

— Хорошо, — сказал он через какое-то время.

— Хорошо, — подтвердил лисёнок.

Светлячок бросил в стакан три куска сахара. Сделал глоток. И, покосившись на Ю, спросил:

— Добавлю ещё? Не сладко...

— Валяй, — согласился тот, — клади сколько хочешь. А лучше грызи вприкуску. Так вкуснее! И, взяв в лапку кусочек, тут же отправил его в рот.

— Бабушка говорит, так зубы испортятся.

— Ну, если бабушка...

Заметив, что лисёнок нахмурил брови, Светлячок улыбнулся. Чуть виновато и смущенно.

— Я не паинька, ты не думай. Просто обещал не грызть сахар. Теперь приходится держать слово.

— Это другое дело! — обрадовался Ю. — А то не люблю тихонь! Зато уважаю тех, кто обещание держит.

Было слышно, как на улице бегают по опавшим листьям капли дождя. Как вздыхает под натиском ливня Синий лес.

— Ты первый раз у нас здесь? Надолго? — спросив, Ю потянулся и, не удержавшись, зевнул.

Светлячок пожал плечами.

— Не знаю. Я ищу место для своей норки! Если понравится, то останусь тут.

— Что же ты под ночь на поиски отправился? — удивился лисёнок.

— Так я уже три дня как из дома ушёл, — ответил очень довольный собой Светлячок и чихнул.

— И всё время спал под открытым небом?

— Ага...

— Что же ты ищешь?

Зайка задумался. Трудно было так сразу ответить. Хотел сказать о звёздах, которые видно прямо с порога. О реке, что текла бы неподалеку и наводила на разные мысли своим дыханием. О друге, с которым не нужно говорить, когда хочется помолчать.

Подняв глаза на Ю, Светлячок понял, что можно не искать слов.

— Завтра покажу тебе хорошее место! А теперь давай спать, — сказал лисёнок. — Я постелил тебе на диване.

Уже засыпая, зайка спросил:

— А речка там есть?

— В двух шагах. Спи...

Чудовище

Светлячку так хотелось проснуться, что никак не удавалось заснуть. Как рассветёт, придёт Ю. Они сговорились узнать наконец, что находится за Большой горой.

— Там, наверное, никто не бывал! — убеждал лисёнок. — Нам надо сделать это первыми!

Светлячок согласился. И теперь не спал. За окном прохаживалась ночь. Она шуршала своим длинным плащом и громко дышала. Было приятно лежать в кровати и, слушая её, представлять, как они с Ю совершают подвиги.

Тут в двери что-то ударило, и Светлячок чуть не подпрыгнул от неожиданности.

— Не бойся, это я, — раздался тихий голос. — Не спится чего-то...

Это был Ю. Зайдя, он сразу забрался в кресло и какое-то время просто сидел, глубоко задумавшись.

- Светлячок, а вдруг там чудовище?
- Мы победим его!
- А если оно сожрёт нас?
- Нас же двое! Вместе мы справимся!
- Ты правда так думаешь, Светлячок?
- Конечно! Один я бы не решился, а с тобой не боюсь.
- Тогда пошли прямо сейчас! А то до утра я не дотяну...

Сказав это, Ю легонько укусил себя за лапку. Светлячок с восхищением посмотрел на него.

- Какой же ты все-таки храбрый! Идём скорее!

Зайка заметался по норке. Надо было взять фонарик! Верёвку и меч, сделанный из березового прута, он приготовил ещё днем. Фонарик нашёлся под кроватью. Светлячок повесил его на шею. Натянул на лапки ботинки. Надел свою любимую жилетку.

- Бежим, Ю!
- Может, чаю перед дорогой выпить?
- Ромашкового или с шиповником?
- Чего пристал с глупыми вопросами? Любого!

Нагрубив другу, Ю тут же устыдился.

- Прости, Светлячок. Не хочу чаю. Пошли, если готов!

И с криком «вперед!» лисёнок выбежал из дома. Он понёсся через Синий лес — быстро, как молния. Светлячок изо всех сил старался не отстать. Они долго бежали. И остановились лишь у подножия Большой горы.

- Лезем! — скомандовал Ю!
- Давай отдохнем, — взмолился Светлячок.
- Ни секунды! — безжалостно ответил Ю и первым полез вверх.

Они карабкались, казалось, целую вечность. Светлячок тянулся из последних сил.

- Только бы не свалиться, — шептал зайка.

И в тот момент, когда он понял, что вот сейчас упадет и больше не встанет, Ю остановился. Они были на самой макушке Большой горы!

Светлячок растянулся на траве, показавшейся ему мягче подушки, и закрыл глаза. А когда открыл, в них отразились звёзды. И они показались ему немного другими, чем те, которые он видел раньше.

— Они такие огромные... — прошептал Ю. Он лежал, раскинув лапки, и тоже смотрел на небо.

- Это только наши звёзды, — сказал Светлячок. И тихонечко рассмеялся.
- Только твои и мои, — подтвердил Ю.

Они долго так лежали и смотрели только на их небо.

А на рассвете пошли проверять, что же лежит за Большой горой.

Светлячок на ходу рубил березовым мечом невидимых чудовищ, а Ю улыбался каким-то своим мыслям. Здесь всё было таким же, как и в родной долине у Синего леса. Только старый дуб забросал их трухлявыми желудями, за то что они разбудили его.

Громкая тишина

— Ю, ты звал меня? — спросил Светлячок и заглянул под ветки сосны, широко развесившей свои мохнатые лапы.

— Ю-у-у-у-у! Где ты?

— Нигде, — отозвался сердитый голос. — Чего кричишь? Топай домой!

— Ю? — жалобной серебряной капелькой упал в дождевую лужу вопрос Светлячка и отразился в ней его большими ушами.

— Скажи, это ты или старый Сов?

Улегшись на мохнатой елке, улыбалась луна. Большая и очень хитрая.

— Фи-лин я, бестолочь! Фили-и-и-и-ин! Ну когда же вы выучите? — донеслось из ветвей.

И Светлячок, поняв, что это не Ю, двинулся дальше. Он шёл очень долго, пока не выбрался к поляне, которую они ещё весной засадили морковками.

— Запомни, поспеют лишь к августу, — сказал тогда Ю и попросил не проверять, насколько быстро те вырастут.

Светлячок присел возле маленького кустика и сделал вид, что срывает морковку.

— Ю-ю, отзовись?

Тишина поглотила крик Светлячка так быстро, что он даже обиделся. Все спят, а он тут один, Ю нет, и морковку даже сорвать нельзя. А может, попробовать?..

Светлячок потянул лапкой редкие морковкины волосёнки. Изю всех сил, словно дерево хотел вырвать. Так, что едва не упал с тонюсенькой оранжевой полоской в объятых.

— Какая же это морковка? — совсем загрустил Светлячок и засунул её обратно в дырочку в земле.

А что, если она такая маленькая из-за неё? То есть вдруг размер морковки зависит от толщины дырочки? И никто ведь не знает, какие дырочки во-о-он под теми кустиками. Светлячок, шмыгнув носом, поднялся. Осмотрелся по сторонам. В лесу по-прежнему стояла такая громкая

тишина, что у него тут же защипало в носу. Нужно было отвлечься от неё, спрятать себя в какое-то дело.

Через пару минут на большой поляне не осталось ни одного невыдернутого кустика. Нет, окажись вы там, ничего не заметили бы. Ведь...

— Расти уж побыстрее, — сказал Светлячок последней посаженной им обратно морковке и погладил её по кудрявой макушке.

Устав так, словно засадил огород, а ведь так оно и было на самом деле, зайка побрёл домой. Когда же он пришёл, то увидел сидящего на пороге Ю.

— Где ты был, Светлячок? Я тут уже выспался на твоём крыльце.

— Я... Я... Нет, это ты скажи, где был. Я искал тебя всю ночь!

Кончики ушей Светлячка так сильно дрожали, что лисёнок сразу понял: друг что-то недоговаривает, и вот беда — сам себе соврать не даёт. Улыбнувшись, Ю ответил:

— Здесь. Я к ужину притопал. Смотрю, тебя нет. Вот и решил дожждаться твоего возвращения. Ну, Светлячок, говори, где был?

Зайка долго не отвечал. Говорить правду было страшно. Он ведь обещал не смотреть, как растёт морковка!

— Ты, наверное, на пруд без меня бегал? Сказки слушать? — с этими словами Ю, зайдя в домик, тут же уселся на стул, подобрав под себя лапки. — Наливай чай, Светлячок! Я вот печенье принёс. Твое любимое — морковное!

Тут зайка не выдержал. С заварочным чайником в лапах он обернулся и медленно, по слогам сказал:

— Ю, я сажал морковку. Один. Ночью. Ты уж не бросай меня больше. Если друзья, так давай вместе всё делать.

Лисенок открыл рот, затем закрыл и снова открыл, а потом засмеялся. Через некоторое время к нему присоединился Светлячок. Они вдвоём смеялись так долго, что громкая тишина умчалась прочь из их родного Синего леса, и больше друзья её никогда не слышали.

Жираф

— Куда же они улетают? А, Ю?

— Кто, Светлячок?

— Мысли...

Зайка и лисёнок сидели на берегу реки. Небо — всё в белых завитушках — было высоким и ясным. Весна только началась, и каждый новый

день не походил на другой. Вчера было пасмурно, и до самой ночи плакался на жизнь дождь. Так что из норки и высовываться не хотелось. А сегодня в воздухе — прозрачная синева. Кажется, станешь на большую дорогу и дойдешь до конца Земли. Так хорошо будет тебе шагать!

— Понимаешь, Ю, я думаю, думаю. А потом раз — и забываю, до чего сам же и додумался.

— А ты думал сейчас о чём-то важном?

Светлячок покачал головой и рассмеялся.

— Я уже не помню!

— Хитришь!

— Нет, ну честно!

Лисёнок улыбнулся и, махнув на Светлячка лапкой, замолчал. Хотелось одного — сидеть и смотреть за горизонт, чувствуя рядом присутствие друга.

И они долго сидели именно так. И только лениво плескались разноцветные рыбы в воде. Да солнышко медленно уплывало за краешек неба.

— Ю, я вспомнил, — опять первым нарушил тишину Светлячок. — Я думал о белочке. Что вот она никогда не станет так проводить время, как мы. Что во-о-он тот жираф из облака! Не туда смотришь! Справа он, рядом с домиком и драконом! Да-да, не тычь так лапой! Вдруг он испугается и уплывёт! Так вот, что этот жираф спрячется от неё. Или даже белочка вовсе не посмотрит на небо. Она ведь вся в заботах и хлопотах.

— И до чего же ты додумался, Светлячок? Что с того-то? — спросил Ю. Откинувшись на нагретый солнцем ствол, он надвинул на глаза берет и замер так, словно собрался хорошо выспаться.

— Сперва я подумал, что мы бездельники. А потом передумал. Ведь мы чего только не делаем! Потом решил, что это не важно. Мы ведь и за работой столько всего замечаем. Ну из того, что будто и не нужно. Ты же понимаешь?

Лисёнок кивнул. Ему в этот момент казалось, что он качается в индейской пироге на волнах. Он представил соколиное перо у себя за ухом и довольно фыркнул.

— Светлячок, всё просто! Мы с тобой другие, и всё тут. Не хуже, не лучше.

— Да, но всё равно получается, что от нас меньше толку и какие-то мы бестолковые.

— А жираф?

— Что жираф?

— Ну ведь без нас его нет! И не будет!

— Об этом я не подумал...

— То-то же.

Пирожки

В тот день Светлячку приснилась бабушка Августа. Она сердилась так сильно, что её уши вытянулись вверх, как по линейке.

— Опять не почистил зубы на ночь? Светлячок, ты вырастешь некрасивым! Бери пример с Искорки. Вот она никогда не забывает!

Как всегда, одно только упоминание любимой внучки притушило воспитательский пыл бабушки Августы. Её глаза смягчились, и продолжила она уже не таким суровым тоном:

— Вот, смотри, приедет в гости и пристыдит тебя!

Светлячок об Искорке слышал едва ли не каждый день, а сам никогда и не видел её. Ему, впрочем, хватало о двоюродной сестре и рассказов. Искорка и сладкое не таскала со стола — даже любимые пряники, и уши не забывала чистить, и даже полы мыть любила.

Зайка хотел сказать, что давно живёт в своей норке и делает что хочет, как сон закончился.

Солнце уже вовсю улыбалось Синему лесу. Светлячок почистил после завтрака зубы, помыл за собой посуду и задумался. Надо было навестить бабушку. Она, наверное, соскучилась по нему, вот и приснилась.

Он написал Ю записку, чтобы тот не потерял его. Закрыв двери и, как обычно, положил ключ под коврик у входа. Вдруг кто из друзей пробежит мимо и захочет отдохнуть.

Весело было шагать по родному лесу и насвистывать под нос песенку.

— А пи-и-и-и, а пи-и-и, а я к бабушке иду. А пи-и-и-и, а пи-и-и-и, а я что ей расскажу?

Тут Светлячок задумался. Ему решительно нечего было рассказать бабушке. Не о том же, как они с Ю по ночам бегают на пруд слушать сказки лягушек. И то, что они ходили далеко за Большую гору, ей тоже не понравится. Захотелось даже домой вернуться, и Светлячок так бы и сделал. Если бы не прошёл уже большую половину пути. День потихоньку превращался в вечер. Очень хотелось есть, и зайке то и дело мерещился запах бабушкиных пирожков с морковкой и тыквой. Вот он опять остановился и принялся. Как сладко пахло!.. Нет, ошибки быть не могло! Бабушка Августа пекла пирожки! И Светлячок помчался вперёд изо всех сил.

Вот уже перед ним и родная поляна. Бабушкина норка крайняя справа. Светлячок тянет на себя дверь и проваливается в тёплую, пропитанную ароматом комнату. На столе тарелка с пирожками. Их только недавно вытащили из печки, и они местами покрыты слад-

кой коричневой корочкой. О-о-ох... Светлячок хватает самый большой пирожок. И вроде бы и куснуть не успел, а уже ничего нет. Второй, третий...

— Почему ты не вымыл лапки? И жуёшь с открытым ртом! Вот Искорка никогда такого себе не позволит.

От неожиданности Светлячок чуть не подавился. Он так торопился съесть любимое лакомство, что и не заметил бабушки Августы. А вот она — сидит за столом и строго смотрит на внука.

— Ну-ну, знаю я вас, сорванцов... Ешь уж. Не хлопай глазами.

Бабушка заваривает чай, и всё укутывается сладким запахом чебреца и душицы. Светлячок утопает в нём — сытый, довольный и счастливый.

— Бабушка! А мы лягушек бегаем слушать ночами. Они столько сказок знают! — внезапно говорит он. И, перебивая себя, добавляет: — И ты не поверишь, но мы с Ю за Большую гору ходили!

— Ну уж прям за Большую гору? — переспрашивает бабушка. — А ворчливый дуб по-прежнему стоит за ней и плюется в каждого прохожего желудями?

— Ага, — отвечает Светлячок.

Ему очень хочется спать, и он засыпает на полуслове прямо за столом рядом с пустой тарелкой.

Бабушка Августа долго смотрит на внука. Она знает, что завтра Светлячок ускачет ни свет ни заря. И надо бы встать да испечь ему на дорогу чего-нибудь вкусного. Только не пирожки — так надоело готовить их каждый день!

Осень в лесу

Светлячок сидел у незажжённого камина. Грел о бока кружки лапы и думал. Вчера они с Ю проводили на юг последних птиц, и солнце играло в салки, отражаясь в их глазах. А сегодня осень сжала за горло лес, и будто выжала из него все краски.

— Хорошо, что они улетели, — прошептал зайка.

В окошко стучались отражения замерзших деревьев. Было пусто и холодно. И Светлячок не знал, куда себя деть. Ему словно стало тесно и неудобно в своей норке. Будто он был не дома. Наскоро одевшись, зайка выбежал в лес.

— Какое всё прозрачное,— подумал Светлячок и неожиданно понял, что сейчас расплывётся.— Я же взрослый, мне нельзя. Ну-ка держись, заяц,— сказал он и на мгновение закрыл глаза.

А когда открыл, увидел перед собой небо. Огромное, оно медленно уплывало куда-то, унося с собой Светлячка и весь Синий лес.

И Светлячок замер, боясь упасть с невидимой высоты.

— Вот и я улетаю... Кто же тогда останется? — подумал заяц. Покачиваясь на лапках, он танцевал на ветру и улыбался.

— Мы и останемся,— донеслось до него откуда-то издалека.— Ты, я и все-все-все...

— Это всё понарошку или взаправду? — прокричал Светлячок, и голос друга донёс до него ответ:

— Это всё Осень!

— Осень... — выдохнул заяц.— Осе-е-е-ень,— прокричал он изо всех сил.— Осень,— сказал тихо-тихо. А затем гаркнул на весь Синий лес: — Тогда я иду ставить чайник!

— Иди,— донеслось в ответ,— я скоро приду!

— Знаю я твоё скоро,— проворчал Светлячок, зажигая огонь в камине и думая: как же всё-таки хорошо дома.

Кружка в цветочек

«Здравствуй, Ю»,— скажу ему и больше ни словечка не дам. Повернусь спиной и уйду.

Ничего не подарить мне на день рождения! Ни шарика, ни морковки, ни даже печеньица!..

Светлячок уже второй час сидел за столом и, нахмурясь, передвигал с места на место сахарницу. Ёжик подарил новую иглу. Это хорошо. Старая опять потерялась. Будет чем башмаки чинить.

Ослик принёс кружку. Посмотрев на жёлтую в цветочек кружку, Светлячок покачал головой. Ужасная кружка! И хоть он сам никогда бы не подарил такую, всё же приятно.

Лучше всех угодила белочка с её шоколадными орешками. Светлячок тут же угостил ими друзей, слава богу, успели не всё съесть! И как было бы здорово сейчас вместе с Ю пить ромашковый чай, заедая его орешками. Но нет Ю, и нет подарка от Ю. Гости давно ушли. За окошком так темно, что даже звёзд не видно. Грустно в лесу, никому будто и дела нет,

что у Светлячка сегодня четвёртый день рождения за всю его лопоухую жизнь.

— А вот и не лягу спать! Пойду волшебный цветок искать!

Светлячок медленно сполз со стула. Подошёл к зеркалу, висевшему напротив входной двери. Очень долго смотрел на себя. Потом подмёл пол. Вымыл чашки. Никуда идти не хотелось. Охая, натянул на лапки ботинки и только потянулся за шарфиком, как в дверь постучали

— Никого нет дома! — прокричал он, стараясь скрыть радость.

— Светлячок, не глупи! Открывай, это я!

— Будто не слышу, что это он, — проворчал зайка и, отодвинув засов, высунул уши на улицу.

— Ты разбудил меня, Ю... Что случилось?

Не церемонясь с другом, лисёнок тут же протиснулся внутрь.

— А разве удобно спать в ботинках? — спросил Светлячка и, не дождав-шись ответа, начал стаскивать полосатый берет.

— Поставь, пожалуйста, чайник! Я так продрог, пока шёл, — добавил он, усаживаясь в кресло прямо напротив камина.

— А-а-а... — протянул Светлячок. — А чего шёл-то в такую темень? Завтра могли бы увидеться. Ему очень хотелось заплакать, и, чтобы скрыть это, зайка долго возился со шнурками, лишь бы не оборачиваться. Когда же обернулся, то увидел лисёнка, доедающего последний орешек.

«Ю!.. А я?» — чуть не вскрикнул Светлячок, но вместо этого лишь повторил вопрос:

— Так зачем пришёл? Кстати, вкусно? Я ведь даже не попробовал эти орешки.

— А о ты аоишь! — пробубнил Ю с полным ртом. А когда прожевал, добавил: — Очень жаль! Они замечательные!

Улыбаясь, он взял Светлячка за лапу и, вложив в неё что-то твёрдое и тёплое, сказал:

— Это тебе! Помнишь, мы видели, как звезда, сорвавшись с неба, полетела вниз и упала где-то далеко в нашем Синем лесу?.. Я искал её всё это время — и вот...

Светлячок, разжав лапу, увидел перед собой блестящий камушек. На-стоящую звёздочку.

— Тебе нравится, Светлячок?

— Очень... — прошептал зайка и опять чуть не заплакал. Ему было стыдно и так хорошо, что он от смущения буркнул: — А орешек мог бы мне и оставить...

В ответ на это Ю только довольно зевнул. Когда же они пили ромашковый чай, сказал:

— Кстати, кто подарил тебе эту жуткую кружку в цветочек?

Содержание

Рассказы

Эви поднимается	3
Харитоша	13
Красная кнопка	14
Зелёные голодные	33
Между	37
Впереди — лето	39
Счастливая	41
Пончики	46
Ландыши и лайки	57
Сливовое желе	59

Алькины сказки

Ну здравствуй!	64
Чудовище	65
Громкая тишина	67
Жираф	68
Пирожки	70
Осень в лесу	71
Кружка в цветочек	72

Полина Ивановна Кузаева
Впереди — лето

Редактор Вячеслав Моисеев
Вёрстка — Леонид Маслов
Корректор Людмила Моисеева
На обложке — фото автора

Допечатная подготовка:
Издательский центр МВГ,
e-mail: wgmoses@mail.ru,
тел. 8-902-365-41-99.

Подписано в печать 1.07.2020 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Универсальная Типография „Альфа Принт“»:
620049, Свердловская обл., г. Екатеринбург,
переулок Автоматики, дом № 2ж.

Тираж 200 экз. Заказ № 12136

ISBN 978-5-907297-30-2

